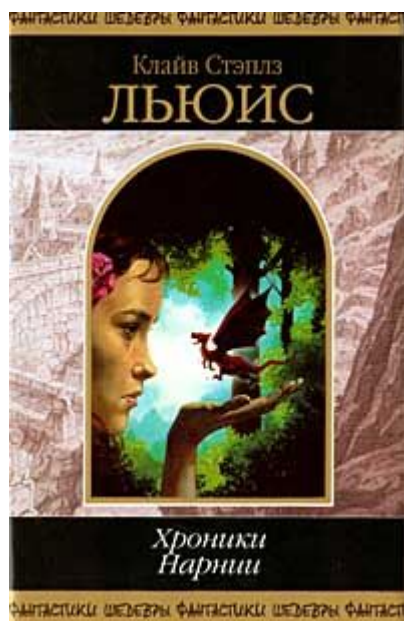

Клайв Стейплз Льюис
Принц Каспиан

Серия: *Хроники Нарнии* – 2

Аннотация

«Хроники Нарнии» — это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров. После каникул Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси возвращаются в школу, однако волшебный рог Сьюзен снова зовет их в Нарнию. Законный властитель Нарнии, принц Каспиан, бьется с войском своего дяди, захватившего трон.

Клайв Стейплз Льюис Принц Каспиан

1. ОСТРОВ

Жили-были четверо детей, которых звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. Вы уже читали книгу «Лев, Колдунья и платяной шкаф», где рассказывается об их замечательных приключениях. Они открыли дверь волшебного шкафа и очутились в мире, совершенно не похожем на наш и стали там королями и королевами страны Нарнии. Пока они были в Нарнии, им казалось, что прошли многие годы, но когда они через дверь шкафа вернулись назад в Англию, то оказалось, что путешествие их не заняло ни одной минуты. Во всяком случае, никто не заметил их отсутствия, и они не рассказали об этом никому, кроме одного очень мудрого взрослого.

Все это случилось год назад, а теперь все четверо сидели на скамейке на платформе железнодорожной станции, а вокруг громоздились чемоданы и свертки. Они возвращались в школу. До этой станции они ехали вместе и здесь должны были сделать пересадку. Через несколько минут один поезд должен был увезти девочек, а еще через полчаса мальчикам предстояло уехать на другом поезде в свою школу. Начало путешествия, пока они были все вместе, казалось им еще частью каникул. Но теперь, когда пришла пора сказать друг другу «до свидания» и разъехаться в разные стороны, все чувствовали, что каникулы действительно кончились и они уже почти в школе. Им было грустно, говорить было не о чем. Люси ехала в школу-интернат первый раз.

Это была пустая сонная сельская станция, и на платформе кроме них никого не было. Внезапно Люси пронзительно вскрикнула, как будто ее ужалила оса.

— Что случилось, Лу? — спросил Эдмунд и тут же вскрикнул сам.

— Что такое... — начал Питер, и вдруг тоже закричал: «Сьюзен, отпусти! Что ты делаешь? Куда ты меня тащишь?»

— Я до тебя и не дотрагивалась, — ответила Сьюзен. — Меня саму что-то тащит. Ой-ой, перестаньте! Каждый заметил бледность других.

— И со мной то же самое, — тяжело дыша произнес Эдмунд. — Как будто меня тащат прочь. Как ужасно тянет... ах! начинается снова.

— И меня, — сказала Люси. — Ой, я не могу.

— Живей! — закричал Эдмунд. — Возьмемся за руки. Это магия — я чувствую. Быстрее!

— Да, возьмемся за руки, — подхватила Сьюзен. — Хорошо бы это скорее кончилось. Ой!

Через мгновение багаж, скамейка, платформа и станция исчезли. Четверо детей, все еще держась за руки и тяжело дыша, очутились в лесу — да таком густом, что ветки деревьев кололись и не давали шагу ступить. Они протерли глаза и глубоко вздохнули.

— Ой, Питер! — воскликнула Люси. — Как ты думаешь, может быть мы вернулись назад в Нарнию?

— Мы могли оказаться где угодно, — сказал Питер. — Я ничего не вижу из-за этих деревьев. Попробуем выйти на открытое место, если оно тут есть.

С трудом, исколотые иголками и колючками, они продирались сквозь чащу. Но тут их ждал другой сюрприз. Свет стал ярче, и через несколько шагов они уже были на краю леса и смотрели вниз на песчаный берег. Совсем близко от них лежало тихое море, катящее на песок маленькие волны. Не было видно ни земли, ни облаков на небе. Солнце было там, где оно должно быть в десять утра, а море сияло ослепительной голубизной. Они остановились, вдыхая запах моря.

— А здесь неплохо, — сказал Питер.

Все быстро разулись и побрели по холодной чистой воде.

— Это куда лучше, чем в душном вагоне возвращаться к латыни, французскому и алгебре, — сказал Эдмунд, и затем надолго воцарилось молчание. Они только брызгались и искали креветок и крабов.

— Все же, — внезапно сказала Сьюзен, — мы должны выработать какой-нибудь план. Скоро нам захочется есть.

— У нас есть бутерброды, которые мама дала в дорогу, — напомнил Эдмунд. — По крайней мере, у меня.

— А у меня нет, — огорчилась Люси, — остались в сумке.

— Мои тоже, — добавила Сьюзен.

— А мои в кармане куртки на берегу, — сказал Питер, — так что нам обеспечено два завтрака на четверых. Не так уж весело.

— Сейчас пить хочется больше, чем есть, — произнесла Люси и все почувствовали жажду, как это бывает, когда набегаясь по соленой воде под жарким солнцем.

— Как будто мы потерпели кораблекрушение, — заметил Эдмунд. — В книгах говорится, что на островах всегда можно найти источники свежей прохладной воды. Давайте поищем.

— Ты думаешь, надо возвращаться в этот густой лес? — спросила Сьюзен.

— Вовсе нет, — ответил Питер. — Если тут есть ручьи, они обязательно текут в море, и если мы пойдем вдоль берега, то наткнемся на один из них.

И они побрели назад, сначала по гладкому мокрому песку, потом по сухому рыхлому, который забивался между пальцами; поэтому пришлось надевать носки и башмаки. Эдмунд и Люси не хотели обуваться и собрались идти обследовать берег босиком, но Сьюзен сказала, что они сошли с ума: «Нам никогда не найти их снова, а они нам еще понадобятся, если мы останемся тут до ночи и похолодает».

Одевшись, они пошли вдоль берега — море было слева, а лес справа. Тишину нарушали только редкие крики чаек. Лес был такой густой, что ничего нельзя было разглядеть. Все было неподвижно, не было даже насекомых.

Ракушки, морские водоросли, анемоны, крошечные крабы в лужах среди камней, все это очень хорошо, но от этого быстро устаешь, когда хочется пить. После прохладной воды ноги у детей горели. Сьюзен и Люси несли плащи. Эдмунд оставил куртку на платформе и теперь они с Питером поочередно несли его куртку.

Берег вскоре начал заворачивать вправо. Через четверть часа, когда они пересекли каменистый гребень мыса, берег круто повернул. Открытое море было теперь позади них, а впереди они увидели пролив, за ним другой берег, так же густо заросший лесом как и этот.

— Интересно, остров ли это и можно ли обойти его кругом? — спросила Люси.

— Не знаю, — ответил Питер, и они снова побрели молча. Берега все ближе и ближе подходили друг к другу, и, обходя очередной мыс, они думали увидеть место, где берега сольются, но ошиблись. Они подошли к большим камням и взобрались на них. Отсюда было видно далеко вперед...

— Проклятье! — сказал Эдмунд. — Мы не сможем попасть в те леса. Мы на острове!

Это была правда. Пролив между берегами достигал тридцати или сорока ярдов ширины, и это было еще самое узкое место. Дальше побережье заворачивало вправо, и между ним и материком виднелось открытое море. Очевидно, они обошли куда больше половины острова.

— Посмотрите! — внезапно воскликнула Люси. — Что это? — И указала на пересекающую берег длинную, серебристую, похожую на змею полосу.

— Ручей! Ручей! — закричали все, и несмотря на усталость быстро соскочили с камней и побежали к воде. Они знали, что лучше пить повыше, подальше от берега, поэтому сразу же направились к тому месту, где ручей вытекал из леса. Деревья там росли так же густо, как и везде, но ручей пробил глубокое русло между высокими, покрытыми мхом берегами, так что согнувшись можно было подняться вверх по ручью в туннеле из листвы. Опустившись на колени перед первой же коричневой, покрытой рябью лужицей, они пили и пили, окуная в воду лица и руки.

— А теперь, — сказал Эдмунд, — как насчет бутербродов?

— Не лучше ли сохранить их, — возразила Сьюзен. — Потом они могут оказаться нужнее.

— Пить уже не хочется, — заметила Люси, — и жаль, потому что теперь захотелось есть.

— Так как насчет бутербродов? — повторил Эдмунд. — Не хранить же их, пока испортятся. Тут гораздо жарче, чем в Англии, а они давно лежат у нас в карманах.

Они достали два пакета, разделили еду на четыре порции. Порции были, конечно, маленькие, но все же лучше, чем ничего. Потом они стали обсуждать, что бы еще поесть. Люси хотела вернуться к морю и наловить креветок, но кто-то сообразил, что у них нет сетей. Эдмунд сказал, что надо собрать на камнях яйца чаек, но никто не помнил, были ли они там, и к тому же дети не знали, как их готовить. Питер подумал про себя, что скоро они будут рады и сырым яйцам, но решил, что говорить это вслух не стоит. Сьюзен пожалела, что бутерброды съели так скоро. Все сникли. Наконец Эдмунд сказал:

— Послушайте, нам остается только одно — исследовать лес. Отшельники, странствующие

рыцари и им подобные всегда как-то ухитрялись выжить в лесу. Они отыскивали корни, ягоды и всякое такое.

— А какие именно корни? — спросила Сьюзен.

— Я всегда думала, что имеются в виду корни деревьев, — удивилась Люси.

— Продолжай, Эд, — сказал Питер, — ты прав. Нужно попытаться сделать хоть что-нибудь. А идти в лес лучше, чем снова вылезать на это ужасное солнце.

Они поднялись и двинулись вдоль ручья. Это было тяжело.

Они подлезали под ветвями и перелезали через них, продирались сквозь путаницу рододендронов, порвали одежду, промочили ноги. Не слышно было никаких звуков, кроме журчания ручья и того шума, который производили они сами. Они уже порядком устали, когда почувствовали нежный аромат и заметили что-то яркое высоко над ними на правом берегу.

— Смотрите, — воскликнула Люси, — похоже, это яблоня. И она не ошиблась. Дети вскарабкались на крутой берег, пробрались через кусты ежевики и оказались под старым деревом, усеянным большими золотисто-желтыми яблоками. И яблоки эти были такие крепкие и сочные, что лучших нельзя было и пожелать.

— Тут не одно дерево, — сказал Эдмунд с набитым ртом, — посмотрите, вот еще и еще.

— Здесь их десятки, — отозвалась Сьюзен, бросая сердцевинку одного яблока и срывая второе. — Тут, наверно, был сад — давным-давно, до того как это место стало безлюдным и вырос лес.

— Значит, когда-то этот остров был обитаем, — сказал Питер.

— А это что? — закричала Люси, указывая вперед.

— Клянусь, это стена, — ответил Питер, — старая каменная стена.

Пробираясь между сгибающихся от яблок ветвей, они добрались до стены. Она была старой, полуразрушенной, покрытой мхом и вьюнками, но выше многих деревьев. А когда они подошли совсем близко, то заметили большую арку, в которой когда-то были ворота, теперь же ее заполняла самая высокая яблоня. Им пришлось обломать несколько веток, чтобы пройти. И тут они зажмурились от яркого света, ударившего в глаза. Они оказались на широкой площадке, со всех сторон окруженной стенами. Здесь не росли деревья, только трава и маргаритки, да плющ обвивал серые стены. Это было светлое, тихое, таинственное и немного грустное место. Все четверо вышли на середину, радуясь, что могут выпрямить спину и размять ноги.

2. ДРЕВНЯЯ СОКРОВИЩНИЦА

— Это не сад, — сказала Сьюзен внезапно, — а замок с внутренним двором.

— Пожалуй, ты права, — согласился Питер. — Вот остатки башни. Здесь должна быть лестница наверх. А эти широкие и низкие ступени вели к дверям в главный зал.

— Давным-давно, если судить по тому, как это выглядит, — сказал Эдмунд.

— Да, очень давно, — отозвался Питер. — Хотелось бы узнать, кто и когда жил в этом замке.

— Он вызывает у меня странное чувство, — сказала Люси.

— Да, Лу? — Питер обернулся и пристально поглядел на нее.

— И со мной творится что-то похожее. Это самое удивительное из всего, что случилось в этот странный день. Интересно, где мы, и что все это значит?

Разговаривая, они пересекли двор и прошли через дверной проем туда, где раньше был зал. Теперь зал тоже походил на двор, крыша разрушилась, а пол зарос травой и маргаритками, но зал был короче и уже, чем двор, а стены его — выше. В дальнем конце зала было подобие террасы, приподнятой на три фута от пола.

— Да, здесь был зал, — сказала Сьюзен. — А что это за терраса?

— Глупышка, — взволнованно отозвался Питер, — разве ты не понимаешь? Тут был помост, на нем стоял главный стол, где сидел король и знатные лорды. Можно подумать, ты забыла, как мы были королями и королевами и сидели на таком же помосте в нашем большом зале.

— В нашем замке в Кэр-Паравеле, — продолжила Сьюзен мечтательно и немного нараспев, — в устье Великой реки, в Нарнии. Как я могла забыть?

— Вот бы это вернуть! — воскликнула Люси. — Мы можем вообразить, что находимся в Кэр-Паравеле. Этот зал очень похож на тот, где мы пировали.

— К несчастью, без пира, — заметил Эдмунд. — Становится поздно. Посмотрите, какие длинные тени. И похолодало.

— Чтобы провести здесь ночь, — сказал Питер, — нужен костер. Спички у меня есть. Пойдемте, попробуем набрать сухого хвороста.

Все согласились с ним и ближайшие полчаса были очень заняты. В саду не было подходящего хвороста. Они попытались счастья с другой стороны замка, выйдя из зала через маленькую боковую дверь и попав в лабиринт каменных подъемов и спусков, которые были когда-то коридорами и маленькими комнатами, а теперь заросли крапивой и шиповником. Затем они нашли широкий пролом в крепостной стене и шагнули в лес, где было куда темнее и росли большие деревья. Там нашлось достаточно сухих веток, сучьев, высохших листьев и еловых шишек. Они ходили несколько раз с охапками хвороста, пока не собрали на помосте огромную кучу. Проходя в пятый раз, они нашли прямо рядом с залом колодец. Он прятался в сорняках, но, когда дети немного расчистили его, оказался чистым, свежим и глубоким. Вокруг него сохранился остаток каменного парапета. Потом девочки пошли набрать еще яблок, а мальчики разожгли в углу помоста костер. Они решили, что тут самое теплое и уютное место. Они долго возились и перепортили кучу спичек, но в конце концов огонь разгорелся. Потом все четверо уселись спиной к стене и лицом к огню, и стали печь яблоки, нанизав их на веточки. Но печеные яблоки без сахара не слишком вкусны: пока они горячие, есть их трудно, а остывшие уже и вовсе есть не стоит. Поэтому они довольствовались сырыми яблоками и Эдмунд заметил, что теперь они уже не так плохо будут относиться к школьным обедам. «Не говоря уже о толстом ломте хлеба с маслом», — добавил он. Но в них проснулся дух приключений и никто не хотел обратно в школу.

Вскоре после того как яблоки были съедены, Сьюзен пошла к колодцу, чтобы зачерпнуть воды и вернулась назад, неся что-то в руке.

— Смотрите, — сказала она сдавленным голосом, — что я нашла у колодца, — и отдала Питеру то, что держала в руке. Казалось, она вот-вот заплачет. Эдмунд и Люси взволнованно наклонились, чтобы разглядеть лежащую у Питера на ладони маленькую яркую вещицу, заблестевшую в свете костра.

— Разрази меня гром, — сказал Питер, и его голос тоже зазвучал как-то странно. Он протянул вещицу остальным.

И все увидели шахматного коня — обычного по размеру, но необычно тяжелого, потому что сделан он был из чистого золота. Глазами коня были два крошечных рубина, вернее один, потому что другой выпал.

— Как он похож, — закричала Люси, — на одну из тех золотых шахматных фигурок, которыми мы играли, когда были королями и королевами в Кэр-Паравеле.

— Не расстраивайся, Сью, — обратился Питер к другой сестре.

— Я ничего не могу с собой поделать, — отозвалась Сьюзен. — Все вернулось назад... О, какие это были прекрасные времена. Я вспомнила, как мы играли в шахматы с фавнами и добрыми великанами, а в море пели русалки, и мой прекрасный конь...

— Ну, — сказал Питер совсем другим тоном, — настало время всем четверым хорошенько подумать.

— О чем? — спросил Эдмунд.

— Разве никто из вас не догадался, где мы? — задал вопрос Питер.

— Продолжай, продолжай, — сказала Люси. — Мне уже несколько часов кажется, что это место хранит какую-то чудесную тайну.

— Давай, говори, Питер, — отозвался Эдмунд, — мы слушаем,

— Мы в развалинах Кэр-Паравела, — сказал Питер.

— Но послушай, — воскликнул Эдмунд, — почему ты так решил? Этот замок в развалинах уже многие годы. Посмотри на огромные деревья прямо посреди ворот. Посмотри на камни. Ясно, что никто не жил здесь сотни лет.

— Я понимаю, — сказал Питер, — тут-то и вся сложность. Давайте не будем об этом сейчас. Я хочу разобраться по-порядку. Первое. Этот зал точно такого же размера и формы, что и зал в Кэр-Паравеле. Вообразите, что над нами крыша, вместо травы мозаичный пол и гобелены на стенах, и вы получите наш королевский пиршественный зал.

Никто не возразил.

— Второе, — продолжал Питер. — Дворцовый колодец там же, где был — немного южнее

большого зала и точно такой же формы и размера.

Снова никто не ответил.

— Третье. Сьюзен нашла одну из наших шахматных фигурок — или они похожи как две капли воды. И опять никто не ответил.

— Четвертое. Разве вы не помните — мы занимались этим каждый день пока не приехали послы из Тархистана — разве вы не помните, как сажали сад у северных ворот Кэр-Паравела? Величайшая из лесных нимф, сама Помона, пришла, чтобы наложить на него добрые чары. А эти славные маленькие кроты, которые вскапывали землю? Вы забыли старого смешного предводителя кротов, который говорил, опираясь на лопату: «Поверьте мне, ваше величество, когда-нибудь вы очень обрадуетесь этим плодам». И ведь он был прав!

— Да, да, — воскликнула Люси и захлопала в ладоши.

— Но послушай, Питер, — начал Эдмунд. — Это все вздор. Начни с того, что мы не сажали деревья прямо в воротах. Не так уж мы были глупы.

— Нет, конечно, — ответил Питер, — но с тех пор сад разросся до самых ворот.

— И еще одно. — сказал Эдмунд, — Кэр-Паравел не был на острове.

— Да, этому я и сам удивляюсь. Но ведь тогда здесь был полуостров — почти то же самое, что остров. Разве он не мог с тех пор стать островом? Кто-то прорыл канал.

— Подожди минуту, — прервал его Эдмунд. — Ты говоришь, с тех пор. Но прошел только год, как мы вернулись из Нарнии. И ты думаешь, что за один год замок может развалиться, огромный лес — вырасти, а маленькие деревца, которые мы сами посадили, превратиться в громадный старый сад? Это невозможно.

— Вот что, — вступила в разговор Люси, — если это Кэр-Паравел, то здесь, в конце помоста, должна быть дверь. Мы сейчас, наверно, сидим к ней спиной. Помните — дверь в сокровищницу.

— Вероятно, здесь нет двери, — сказал Питер, подымаясь. Стена позади них была увита плющом.

— Мы можем поискать, — Эдмунд взял сук, который они приготовили для костра, и начал простукивать увитую плющом стену. «Тук-тук» была палка по камню, и снова «тук-тук». Но внезапно раздался совершенно другой звук: «бум-бум», — отозвалось дерево.

— О, Боже, — воскликнул Эдмунд.

— Надо очистить плющ, — сказал Питер.

— Давайте отложим до утра, — предложила Сьюзен. — Если мы останемся здесь на ночь, не хочется иметь за спиной открытую дверь и огромную черную дыру, из которой может появиться что-нибудь похуже сквозняка и сырости. И скоро стемнеет.

— Сьюзен! Как ты можешь так говорить? — сказала Люси, бросая на сестру укоризненный взгляд. Мальчики же были слишком возбуждены, чтобы услышать Сьюзен. Они обрывали плющ руками, обрезали его перочинным ножом Питера, пока тот не сломался. Тогда они взяли нож Эдмунда. Скоро все вокруг было покрыто плющом и наконец они расчистили дверь.

— Заперта, конечно, — сказал Питер.

— Но дерево сгнило, — возразил Эдмунд. — Мы быстро раз ломаем дверь на куски и будут отличные дрова. Давайте.

Времени на это ушло больше, чем они ожидали, и прежде, чем они закончили, спустились сумерки и над головой показались звезды. Теперь не только Сьюзен чувствовала легкую дрожь. Мальчики стояли над кучей расколотого дерева, вытирая руки и вглядываясь в холодное темное отверстие.

— Сделаем факел, — сказал Питер.

— Какой в этом смысл? Эдмунд сказал... — начала Сьюзен.

— Сейчас я уже ничего не говорю, — прервал ее Эдмунд, — мне кажется, скоро все будет понятно. Спустимся вниз, Питер?

— Мы должны спуститься, — ответил Питер, — приободришься. Сьюзен. Не будем вести себя как дети, теперь, когда мы вернулись в Нарнию. Ты королева здесь. А потом, кто из нас сможет заснуть, не разрешив этой загадки?

Они безуспешно пытались сделать факелы из длинных веток. Если их держать горящим концом вверх, они гаснут, а если вниз, то обжигают руки, а дым ест глаза. В конце концов пришлось взять электрический фонарик Эдмунда; к счастью он получил его в подарок на день рож-

дения всего неделю назад и батарейки еще не сели. Эдмунд шел первым и светил. За ним Люси, потом Сьюзен; Питер замыкал шествие.

— Я на верхней ступеньке, — сказал Эдмунд.

— Сосчитай их, — предложил Питер.

— Одна... две... три, — произносил Эдмунд, спускаясь вниз, и так до шестнадцати. — Я уже в самом низу, — закричал он.

— Тогда это действительно Кэр-Паравел, — сказала Люси. — Их было шестнадцать. — Больше она ничего не говорила, пока все четверо не собрались у подножия лестницы. Эдмунд медленно повел фонариком по кругу.

— О-о-о-о! — разом воскликнули дети.

Теперь все поняли, что действительно находятся в древней сокровищнице Кэр-Паравела, своего королевского замка. Посередине шел проход (как в оранжереях), и с обеих сторон стояли, как рыцари, охраняющие сокровища, богатые доспехи. Затем шли полки с драгоценностями — ожерельями, браслетами, кольцами, золотыми чашами и блюдами, брошами, диадемами и золотыми цепями. Неоправленные камни громоздились как куча картофеля — алмазы, рубины, карбункулы, изумруды, топазы и аметисты. На полу стояли большие дубовые сундуки, окованные железом и запертые на висячие замки. Было очень холодно и так тихо, что они слышали собственное дыхание. Драгоценности были так покрыты пылью, что дети, узнав большинство вещей, с трудом признали в них драгоценности. Место было грустное и немного пугающее, казалось, что все это давным-давно заброшено. Несколько минут все молчали.

Потом, конечно, они начали ходить взад-вперед и разглядывать вещи. Это было похоже на встречу со старыми друзьями. Если бы вы были там, вы слышали бы, как они восклицали: «Смотри! Наши коронационные кольца... помнишь, когда мы впервые надели их?.. А я думала, что эта маленькая брошь потерялась... Послушай, разве не в этих доспехах ты был на турнире на Одиноких Островах?.. Ты помнишь, гном сделал это для меня?.. Ты помнишь, как пили из этого рога?.. Ты помнишь... Ты помнишь?..»

Внезапно Эдмунд сказал: «Слушайте, надо поберечь батарейки. Бог знает, как часто они будут нам нужны. Возьмем то, что мы хотим и выйдем отсюда».

— Мы должны взять подарки. — сказал Питер. Давным-давно он, Сьюзен и Люси получили в Нарнии на Рождество подарки, которые ценили больше, чем все остальное королевство. Только Эдмунд не получил подарка, потому что не был с ними в те дни. (Это случилось по его собственной вине, и об этом написано в другой книге).

Все согласились с Питером и пошли к дальней стене сокровищницы. Они были уверены, что там висят их подарки. Подарок Люси был самый маленький — небольшая бутылочка. Она была сделана не из стекла, а из алмаза и до половины наполнена волшебной жидкостью, которая исцеляла все раны и все болезни. Люси молча, но очень торжественно, взяла свой подарок, надела ремень через плечо и снова почувствовала бутылку на боку, там, где она обычно висела в старые дни. Подарок Сьюзен был лук со стрелами и рог. Лук и колчан слоновой кости, полный хорошо оперенных стрел, были здесь, но... «Сьюзен, — спросила Люси, — где же рог?»

— Вот жалость-то, — сказала Сьюзен, подумав минуту, — я вспомнила. Я брала его с собой в наш последний день в Нарнии, когда мы охотились на Белого Оленя. Наверное, он потерялся, когда мы вернулись в другое место, я имею в виду, в Англию.

Эдмунд присвистнул. Это была обидная утрата, рог был волшебный; когда бы вы ни затрубили в него и где бы вы ни были, к вам приходила помощь.

— Он пригодился бы здесь. — заметил Эдмунд.

— Не беспокойся, — ответила Сьюзен, — у меня есть лук.

— Тетива не сгнила, Сью? — спросил Питер.

Наверно, в воздухе сокровищницы была какая-то магия — тетива была в полном порядке. (Сьюзен лучше всего удавались стрельба из лука и плавание.) Она моментально согнула лук и тронула тетиву. Тетива запела, звук заполнил всю комнату. И этот звук больше чем что-либо другое напомнил детям старые дни. Им вспомнились битвы, охоты, пиры. Она разогнула лук и повесила колчан через плечо.

Затем Питер взял свой подарок — щит с огромным алым львом и королевский меч. Он дунул и слегка стукнул их об пол, стряхивая пыль, надел щит на руку и повесил сбоку меч. Сначала он испугался, что меч мог заржаветь в ножнах. Но все было в порядке. Питер взмахнул мечом, и тот

засверкал в свете фонарика.

— Мой меч Риндон, — сказал он, — которым я убил Волка. В его голосе появились какие-то новые интонации, чувствовалось, что он снова Питер, Верховный Король. После минутной паузы все вспомнили, что нужно беречь батарейки.

Они поднялись по ступенькам, развели большой костер и легли, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Земля была жесткая, лежать было неудобно, но в конце концов все заснули.

3. ГНОМ

Самое неприятное, когда спишь не дома, то, что просыпаешься очень рано. А когда ты проснулся, приходится сразу вставать — земля такая жесткая, что лежать страшно неудобно. А еще хуже, если на завтрак нет ничего, кроме яблок — и вчера на ужин ты ел только яблоки. Когда Люси сказала — без сомнения правильно, что это великолепное утро — было не похоже, что будет сказано еще что-нибудь приятное. Эдмунд высказал то, что думали все: «Мы должны выбраться с этого острова».

Попив воды из колодца и умывшись, они пошли вниз по ручью к берегу и стали разглядывать канал, отделявший их от материка.

— Надо переплыть его, — предложил Эдмунд.

— Это подходит Сью, — ответил Питер (Сьюзен получала в школе все призы за плавание), — но как насчет остальных? — Под «остальными» он имел в виду Эдмунда, который не мог проплыть две длины школьного бассейна, и Люси — она вообще плавала с большим трудом.

— Кроме того, — сказала Сьюзен, — здесь может быть течение. Папа говорит, что не надо плавать в незнакомом месте.

— Питер, — заметила Люси, — я знаю, что не могу плавать дома — я имею в виду, в Англии. Но разве мы не умели плавать давным-давно, когда были королями и королевами в Нарнии? Мы умели даже скакать верхом. Как ты думаешь...

— Тогда мы были взрослыми, — прервал ее Питер, — правили долгие годы и многому научились. Но теперь-то мы снова дети.

— Ой! — сказал Эдмунд таким голосом, что всякий прервал бы разговор и выслушал его. — Я все понял.

— Что понял? — спросил Питер.

— Ну, все, — ответил Эдмунд. — Прошлой ночью нас поставило в тупик то, что прошел только год, как мы оставили Нарнию, а все выглядит так, будто в Кэр-Паравеле уже сотни лет никто не живет. Ты еще не понял? Ведь когда мы, прожив долгие годы в Нарнии, вернулись назад через платяной шкаф, оказалось, что не прошло и секунды.

— Продолжай, — попросила Сьюзен. — мне кажется, я начинаю понимать.

— И это значит, — продолжил Эдмунд, — что когда ты не в Нарнии, ты не знаешь, как течет нарнийское время. Почему не может быть так: пока у нас в Англии проходит год, в Нарнии — сотни лет?

— Ей-Богу, Эд, — сказал Питер, — мне кажется, ты прав. В этом смысле действительно прошли сотни лет с тех пор, как мы жили в Кэр-Паравеле. И теперь мы вернулись в Нарнию так, как если бы в современную Англию вернулись крестоносцы или саксы или древние бритты или еще кто-нибудь в этом роде.

— Как они удивятся, увидев нас... — начала Люси, но тут кто-то воскликнул: «Тише! Смотрите!».

Немного правее на материке был лесистый мыс. и они думали, что за ним находится устье реки. И вот из-за этого мыса показалась лодка. Миновав его, она повернула и начала пересекать канал. В лодке были двое. Один греб, другой сидел на корме и придерживал узел, который держался и вертелся в его руках, как живой. Оба были похожи на солдат, одеты в легкие кольчуги и стальные каски и носили бороды. Лица их были суровы. Дети бросились назад в лес и, притаившись, наблюдали за ними.

— Пора, — сказал солдат, сидящий на корме, когда лодка проплывала мимо них.

— Привязывать камень к ногам, капрал? — спросил тот, что держал весла.

— Скажешь тоже, — проворчал первый. — Кому это нужно. Он отлично утонет и без камня,

если мы его хорошенько свяжем.

С этими словами он встал и поднял свой узел. Теперь Питер увидел, что он и вправду живой, и что это гном, связанный по рукам и ногам. Гном сопротивлялся изо всех сил. Тут Питер услышал, как что-то просвистело у него над ухом и солдат, внезапно выронив гнома на дно лодки, упал в воду. Он барахтался, пытаясь плыть к дальнему берегу, и Питер увидел, что стрела Сьюзен сбита с него каску. Он обернулся к сестре, которая с побледневшим лицом уже прилаживала к тетиве вторую стрелу. Но в этом не было нужды. Другой солдат, увидев, что его товарищ упал, с громким криком выпрыгнул из лодки и тоже начал барахтаться в воде (глубина оказалась в его рост), а потом скрылся в лесу на материке.

— Быстрее! Пока ее не снесло! — закричал Питер. Они со Сьюзен, как были одетые, бросились в воду и раньше, чем вода дошла им до плеч, добрались до лодки, подтащили ее к берегу и вынули гнома, а Эдмунд начал разрезать веревки карманным ножом. (Меч Питера был острее, но мечом это делать неудобно). Когда гном, наконец, был освобожден, он потер затекшие руки и ноги и воскликнул:

— Ну, что бы они там ни говорили, вы не похожи на привидения!

Он был коренастый и широкогрудый, как большинство гномов, трех футов росту, а грубые рыжие борода и бакенбарды оставляли открытыми только крючковатый нос и блестящие черные глаза.

— Во всяком случае, — продолжал он, — привидения вы или нет. вы спасли мне жизнь, и я вам очень благодарен.

— Почему мы должны быть привидениями? — спросила Люси.

— Мне говорили всю жизнь, — сказал гном, — что в этих лесах на побережье так же много привидений, как и деревьев. Такая вот история, И поэтому, когда они хотят избавиться от кого-нибудь, то обычно привозят его сюда (как меня) и говорят, что оставят привидениям. Мне всегда казалось, что они просто топят их или перерезают глотки. Я никогда всерьез не верил в привидения, но эти два труса верили. Они везли меня на смерть, а боялись больше, чем я!

— Так вот почему они оба убежали, — сказала Сьюзен.

— А они убежали? — спросил гном.

— Да, — ответил Эдмунд. — На материк.

— Поймите, я стреляла не для того, чтобы убить, — сказала Сьюзен. Она не хотела, чтобы кто-нибудь подумал, что она может промахнуться с такого близкого расстояния.

— Гм, — отозвался гном, — это нехорошо и может грозить неприятностями, если они не будут держать язык за зубами ради собственной шкуры.

— За что они собирались утопить вас? — спросил Питер.

— О, я ужасный преступник, — засмеялся гном. — Но это длинная история. А я был бы рад, если бы вы пригласили меня позавтракать. От волнений просыпается страшный аппетит.

— Здесь только яблоки, — печально сказала Люси,

— Это лучше, чем ничего, но свежая рыба еще лучше, — воскликнул гном, — тогда я приглашу вас позавтракать, В лодке есть удочки, но надо уплыть на другую сторону острова, а не то нас могут заметить с материка.

— Я должен был подумать об этом сам, — сказал Питер. Четверо детей и гном вошли в воду, с некоторым трудом оттолкнули лодку от берега и вскарабкались на борт. Командование взял гном. Весла, конечно, были слишком велики для него, поэтому Питер греб, а гном правил сначала по каналу на север, а потом на восток вдоль острова. Отсюда дети могли разглядеть и реку, и все заливы, и мысы за рекой. Выросший лес все изменил, и они ничего не могли узнать.

Когда вышли в открытое море восточное острова, гном стал ловить рыбу и легко поймал несколько ярко-окрашенных рыб, все помнили их по обедам в Кэр-Паравеле в старые дни. Наловив достаточно рыбы, они направили лодку в маленький залив и привязали ее к дереву. Гном, бывший мастером на все руки (между прочим, хотя кое-кто и встречал гномов-негодяев, вряд ли кто видел гномов-дураков), разрезал рыбу, почистил ее и сказал:

— Теперь нам нужен хворост.

— У нас в замке уже много хвороста, — ответил Эдмунд. Гном даже присвистнул:

— Броды и борода! — воскликнул он. — Так здесь действительно есть замок?

— Только развалины, — сказала Люси.

Гном с любопытством оглядел всех четверых. «А кто в самом деле?..» — начал он, но тут же

оборвал себя и сказал:

«Неважно, сначала завтрак. Только одно до того, как мы пойдем. Вы можете, положи руку на сердце, сказать, что я действительно жив? Могу я быть уверен, что не утонул, и все мы не привидения?» Когда они его успокоили, возник вопрос, как перенести рыбу. Связать ее было нечем и корзины тоже не было. В конце концов они использовали шляпу Эдмунда, потому что только у него одного была шляпа. Если бы не волчий аппетит, он бы больше расстроился из-за этого.

Сначала гному было не слишком уютно в замке. Он озираясь кругом, чихал и приговаривал: «Гм-гм, выглядит немного призрачно. Да и пахнет привидениями». Но когда зажгли костер, он приободрился и показал им, как печь свежую рыбу в горячей золе. Нелегко было есть горячую рыбу без вилок, с одним перочинным ножом на пятерых, и кое-кто обжег пальцы. Но в девять часов утра, когда на ногах с пяти, ожогам не придаешь особого значения. Все напились воды из колодца и съели по паре яблок, а гном извлек трубку размером с ладонь, набил ее, зажег, выпустил огромное облако ароматного дыма и сказал: «Ну так что?»

— Расскажи сначала твою историю. — попросил Питер, — а потом мы расскажем тебе нашу.

— Хорошо, — сказал гном, — вы спасли мне жизнь и это вполне справедливо. Но я не знаю, с чего начать. Во-первых, я вестник короля Каспиана.

— А кто это? — спросили хором все четверо.

— Каспиан Десятый, король Нарнии, да будет его царство долгим, — ответил гном, — Или вернее сказать, он должен быть королем Нарнии, и мы надеемся, что будет. Сейчас он король только для нас, старых нарнийцев.

— Кого ты имеешь в виду под старыми нарнийцами? — спросила Люси.

— Ну, это те, — ответил гном, — что подняли восстание.

— Я понял. — сказал Питер, — Каспиан — предводитель старых нарнийцев.

— Можно и так сказать, — проговорил гном, почесывая голову, — но на самом деле он из новых нарнийцев, он — тельмаринец, если ты понимаешь меня.

— Я вот не понимаю, — заметил Эдмунд.

— Это хуже войны Алой и Белой Розы, — вставила Люси.

— Нет, — сказал гном, — я слишком плохо рассказываю. Думаю, что нужно вернуться к началу, к тому, как Каспиан вырос при дворе своего дяди и как он стал на нашу сторону. Но это длинная история.

— Отлично, — заметила Люси, — мы любим истории. Гном сел поудобнее и начал свой рассказ. Дети часто перебивали его, поэтому я не буду повторять вам все, это будет слишком долго и только запутает дело, да к тому же были моменты, о которых дети узнали позже. Но суть истории, как они узнали ее в конце концов, была такова.

4. ГНОМ РАССКАЗЫВАЕТ О ПРИНЦЕ КАСПИАНЕ

Принц Каспиан жил в огромном дворце в центре Нарнии со своим дядей Миразом, королем Нарнии, и тетей, рыжеволосой королевой Призмией. Отец и мать его умерли, и сильнее всех Каспиан любил свою няню, и хотя (ведь он был принц) у него были чудесные игрушки, которые только что разговаривать не умели, больше всего ему нравился тот час в конце дня, когда игрушки были убраны, а няня рассказывала сказки.

Он не слишком любил своих дядю и тетю, но дважды в неделю дядя посылал за ним, и они около получаса прогуливались по террасе на южной стороне замка. Однажды во время прогулки король сказал ему:

— Ну, мальчик, скоро мы научим тебя скакать верхом и владеть мечом. Ты знаешь, что у нас с тетей нет детей, так что похоже, ты будешь королем, когда меня не станет. Доволен ты этим?

— Я не знаю, дядя, — ответил Каспиан.

— Не знаешь? — переспросил Мираз. — Хотел бы я знать, чего еще может пожелать человек!

— Но у меня все-таки есть одно желание.

— Так чего же ты хочешь?

— Я желаю... я желаю... я желал бы жить в старые дни, — сказал Каспиан (он был тогда очень маленьким мальчиком).

До сих пор король Мираз разговаривал с ним тем скучающим тоном, каким разговаривают

взрослые, когда совершенно уверены, что им неинтересен ответ, но тут внезапно он пристально взглянул на Каспиана.

— Да? О чем это ты? Какие старые дни ты имеешь в виду?

— Разве вы не знаете, дядя? — начал Каспиан. — Тогда все было по-другому. Звери умели разговаривать, в ручьях и деревьях жили прелестные существа, наяды и дриады. Тогда были гномы, а в лесах — очаровательные маленькие фавны с козлиными ножками. И...

— Все это чушь, сказки для младенцев, — сказал король строго. — Только для младенцев, слышишь? Ты слишком взрослый для такой чепухи. В твои годы нужно думать о битвах и подвигах, а не о детских сказках.

— Но в те дни были битвы и подвиги, — возразил Каспиан, — и чудесные приключения. Однажды появилась Белая Колдунья, сказала, что она королева всей страны и сделала так, чтобы все время была зима. А потом откуда-то пришли два мальчика и две девочки, они убили Колдунью и стали королями и королевами Нарнии. Их звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. Их правление было долгим и счастливым. Все это было потому, что Аслан...

— А это кто? — спросил Мираз. Если бы Каспиан был немножечко старше, то понял бы по дядиному тону, что умнее замолчать. Но он продолжал весело болтать:

— Разве вы не знаете? Аслан — великий Лев, который приходит из-за моря.

— Кто рассказывает тебе всю эту чепуху? — спросил дядя грозным голосом. Каспиан в испуге ничего не ответил.

— Ваше королевское высочество, — сказал король Мираз, выпустив руку Каспиана, которую держал до сих пор, — я требую ответа. Посмотрите мне в глаза. Кто рассказал вам эту ложь?

— Ня... няня, — запинаясь, пробормотал Каспиан и разрыдался.

— Прекрати этот шум, — сказал дядя. Он взял Каспиана за плечи и слегка потряс. — Прекрати. И чтоб я никогда больше не слышал, что ты разговариваешь — или даже думаешь — об этих дурацких историях. Таких королей и королев не было никогда. Как может быть два короля одновременно? И Аслан никогда не существовал. Нет таких зверей, как львы. И не бывало никогда, чтобы животные разговаривали. Ты слышишь меня?

— Да, дядя, — всхлипнул Каспиан.

— И не будем об этом больше, — сказал король. Затем подозвал одного из лакеев, стоявших в дальнем конце террасы. и холодно произнес; «Проводите его королевское высочество в его апартаменты и немедленно пришлите ко мне няню его королевского высочества».

На следующий день Каспиан понял, что натворил — няню отослали, даже не разрешив ей проститься с ним, а ему сказали, что теперь у него будет наставник.

Каспиан очень скучал по няне и пролил много слез. Он был так несчастен, что гораздо больше, чем обычно, думал о старых временах. Каждую ночь ему снились гномы и дриады, и он пытался заставить кошек и собак из замка разговаривать с ним. Но собаки только виляли хвостами, а кошки мурлыкали.

Каспиан был уверен, что возненавидит своего наставника, но когда неделю спустя тот прибыл, то оказалось, что его невозможно не полюбить. Это был самый маленький и самый толстенный из всех людей, которых Каспиан когда-либо видел. Его длинная серебристая острая борода спускалась до пояса, а коричневое, покрытое морщинами лицо было мудрым, уродливым и добрым. Говорил он низким голосом, глаза у него были веселые, и не узнав его как следует, трудно было понять, когда он шутит, а когда серьезен. Звали его доктор Корнелиус.

Из всех уроков с доктором Корнелиусом Каспиану больше всего нравилась история. До сих пор он знал историю Нарнии только по няниным рассказам и теперь очень удивился, узнав, что его королевский род недавно пришел в эту страну.

— Предок вашего высочества, Каспиан Первый, — рассказывал доктор Корнелиус, — был тем, кто завоевал Нарнию и сделал ее своим королевством. Это он привел ваш народ в эту страну. Вы не природные нарнийцы. Все вы тельмаринцы, то есть пришли из страны Тельмар, что лежит далеко за Западными горами. Вот почему Каспиана Первого называют Каспиан Завоеватель.

— Скажите, доктор, — спросил Каспиан, — кто жил в Нарнии до того, как мы все пришли сюда из Тельмара?

— Не люди — вернее, очень мало людей — жили в Нарнии до того, как тельмаринцы захватили ее, — ответил доктор.

— Но чего завоевал мой пра-пра-предок?

— Кого, а не чего. ваше высочество. Похоже, настало время обратиться от истории к грамматике.

— Еще немного, пожалуйста, — сказал Каспиан, — я имел в виду — было ли сражение? Почему он называется Каспиан Завоеватель, если он ни с кем не воевал?

— Я сказал, что в Нарнии было очень мало людей, — произнес доктор, странно поглядывая на маленького мальчика сквозь большие очки.

На мгновение Каспиан смутился, а потом его сердце сильно забилося. «Вы имеете в виду, — прошептал он, — что там были другие существа? Что все было как в этих историях? И были?..»

— Тише! — сказал доктор Корнелиус, наклонившись к Каспиану. — Ни слова больше. Разве вы не поняли, что вашу няню отослали за то, что она рассказывала о старой Нарнии? Королю это не нравится. Если он узнает, что я раскрываю вам тайны, вас выпорют, а мне отрубят голову.

— Почему? — спросил Каспиан.

— Настало время обратиться к грамматике, — произнес доктор Корнелиус громким голосом. — Не будет ли ваше королевское высочество так любезно открыть четвертую страницу «Грамматического сада или Беседки морфологии, любезно открытой нежным умам» и заняться семантическими экскурсами?

И до самого обеда они занимались только существительными и глаголами, но вряд ли Каспиан много выучил в этот день. Он был слишком взволнован. Он был уверен, что доктор Корнелиус не стал бы рассказывать так много, если бы не хотел рано или поздно рассказать еще больше.

И он не ошибся. Несколько дней спустя наставник сказал:

«Сегодня я собираюсь дать вам урок астрономии. Глубокой ночью две величественные планеты, Тарва и Аламбил, пройдут на расстоянии одного градуса друг от друга. Такое их соединение не наблюдалось уже две сотни лет, и вашему высочеству не удастся увидеть его снова. Было бы хорошо, если бы вы пошли в постель немного раньше обычного. Когда приблизится время наблюдать соединение звезд, я приду и разбужу вас».

Каспиан подумал, что это вряд ли связано со старой Нарнией, о которой ему так хотелось услышать, но подняться ночью на башню всегда интересно; он все же обрадовался и лег в постель с уверенностью, что не уснет, но, конечно, мгновенно уснул, и ему показалось, что не прошло и нескольких минут, как кто-то начал ласково трясти его.

Он сел в кровати и увидел, что комната залита лунным светом. Доктор Корнелиус стоял рядом, одетый в плащ с капюшоном. В руке он держал маленькую лампу. Тут Каспиан вспомнил, что они собирались делать. Он вскочил и оделся. Была летняя, но довольно прохладная ночь, поэтому он обрадовался, когда доктор дал ему такой же плащ с капюшоном и пару теплых мягких туфель. Через минуту, обутые и одетые так, чтобы их было не слышно и не видно в темных коридорах, учитель и ученик покинули комнату.

Каспиан прошел вслед за доктором по множеству коридоров, поднялся по нескольким лестницам, и, наконец, через маленькую дверь в башенке они вышли на плоскую площадку. С одной стороны были башенные зубцы, с другой — крутой скат крыши, внизу — тенистый и мерцающий дворцовый сад, над ними — звезды и луна. Они подошли к двери, ведущей в центральную башню замка. Доктор Корнелиус отпер ее, и они стали подниматься по темной винтовой лестнице. Каспиан был сильно взволнован — раньше ему никогда не разрешали тут ходить. Лестница была длинная и крутая, но когда они вышли на крышу башни и Каспиан перевел дух, он не пожалел своих трудов. Справа смутно виднелись Западные горы, слева блестела Великая река, и было так тихо, что он слышал шум водопада у Бобровой запруды в миле отсюда. Нетрудно было увидеть две звезды, ради которых они пришли сюда. Звезды висели близко друг от друга на южной стороне неба, и сияли ярко, как две маленькие луны.

— Они должны столкнуться? — спросил Каспиан голосом, полным благоговейного ужаса.

— Ну, мой дорогой принц, — сказал доктор, — великие небесные лорды слишком хорошо знают фигуры своего танца. Посмотри на них внимательно. Их встреча счастливая, и она предсказывает удачу грустному королевству Нарнии. Тарва, лорд Победы, приветствует Аламбил, леди Мира. Для этого они и приблизились друг к другу.

— Жаль, что дерево мешает рассмотреть хорошенько, — отозвался Каспиан, — нам лучше было бы видно с Западной башни, хоть она и не такая высокая.

Доктор Корнелиус молчал, устремив взгляд на звезды. Потом глубоко вздохнул и повернулся к Каспиану.

— Здесь, — сказал он, — ты видишь то, что никогда не видел и не увидит никто из живущих сейчас. Да, ты прав, с более низкой башни видно лучше. Но я привел тебя сюда по другой причине.

Каспиан посмотрел на него: лицо доктора было закрыто капюшоном.

— Достоинство этой башни в том, — продолжал он, — что под нами шесть пустых комнат и длинная лестница, а дверь в башню заперта. Здесь нас не подслушают.

— Вы хотите мне рассказать что-то, что не могли рассказать раньше? — спросил Каспиан.

— Да, — ответил доктор, — но помни! Мы с тобой должны разговаривать только здесь — на вершине Главной башни.

— Я обещаю, — сказал Каспиан, — но говорите, пожалуйста.

— Слушай, — начал доктор, — все, что ты знаешь о старой Нарнии — правда. Это не страна людей. Это — страна Аслана, страна проснувшихся деревьев и наяд, фавнов и сатиров, гномов и великанов, речных богов и кентавров, страна говорящих зверей. Это против них сражался первый Каспиан. Это вы, тельмаринцы, заставили замолчать зверей, деревья и потоки, вы убили или изгнали гномов и фавнов, а теперь пытаетесь изгнать и память о них. Король не разрешает даже разговаривать об этом.

— Как жалко, что мы это сделали. Я так рад, что старые дни хотя бы были, даже если ничего не вернуть.

— Многие из твоего народа втайне думают так же, — сказал доктор Корнелиус.

— Доктор, — спросил Каспиан, — почему вы говорите о моем народе? Разве вы не тельмаринец?

— Я? — спросил доктор.

— Ну, по крайней мере, вы человек?

— Я? — повторил доктор низким голосом, откинул капюшон и Каспиан ясно увидел его лицо в лунном свете.

Внезапно он осознал правду и понял, что мог бы догадаться и раньше. Доктор Корнелиус был такой длинноротый, низенький и толстый. Два чувства смешались в Каспиане. Одно — ужас: «Он не настоящий человек, не человек вообще, он — гном и привел меня сюда, чтобы убить». И другое — полнейший восторг: «Есть еще настоящие гномы, и я, наконец, вижу одного из них».

— Теперь ты, наконец, угадал, — сказал доктор Корнелиус, — вернее, почти угадал. Я не чистокровный гном, во мне есть и человеческая кровь. Многие гномы спаслись в битвах и выжили, обрили бороды, одели ботинки с высокими каблуками и стали изображать из себя людей. Они смешались с тельмаринцами. Я один из таких, только наполовину гном, и если кто-нибудь из моих родичей, настоящих гномов, еще жив где-то в лесах, он без сомнения сочтет меня предателем и будет презирать. Но за все эти годы мы не забывали о нашем собственном народе, о всех других счастливых созданиях Нарнии и давно Потерянных днях свободы.

— Я... я сожалею, доктор, — пробормотал Каспиан, — это не моя вина.

— Я говорю это отнюдь не в упрек вам, дорогой принц, — ответил доктор. — Вы спросите, почему же я все-таки рассказываю об этом. У меня есть две причины. Во-первых, мое старое сердце хранило эти секреты так долго, что разорвалось бы, не шепни я вам. Во-вторых, став королем, вы сможете помочь нам, ведь я знаю, что вы, хотя и тельмаринец, любите старые времена.

— Да, да, — сказал Каспиан, — а как я смогу вам помочь?

— Вы можете быть добрым к таким, как я, потомкам гномов. Вы можете собрать ученых магов и попытаться снова оживить деревья. Вы можете исследовать все укромные уголки и дикие места в поисках уцелевших фавнов, говорящих зверей или гномов.

— Вы думаете, что кто-нибудь еще есть? — обрадованно спросил Каспиан.

— Я не знаю... я не знаю, — с глубоким вздохом ответил доктор. — Иногда я боюсь, что никого нет. Я ищу их следы всю жизнь. Временами мне кажется, что я слышу в горах барабан гномов. Иногда по ночам в лесу мне чудится, что вдалеке мелькают танцующий фавн или сатир, но когда я подхожу ближе, никого не оказывается. Я часто отчаиваюсь, но всегда происходит что-то, что снова пробуждает надежду. Я не знаю. И наконец, вы можете быть таким правителем, каким был Верховный Король Питер в старину, а не таким, как ваш дядя.

— Так это правда, что были короли и королевы и Белая Колдунья? — спросил Каспиан.

— Конечно, правда, — сказал Корнелиус, — правление этих королей было Золотым веком

Нарнии. И страна никогда не забудет их.

— Они жили в этом замке, доктор?

— Нет, мой дорогой, этот замок появился не так давно. Его построил ваш прапрадед. Когда два сына Адама и две дочери Евы были коронованы самим Асланом, они жили в замке Кэр-Паравел. Никто из живущих сейчас людей не видел этого благословенного места, и возможно, теперь не найти даже его развалин. Мы знаем, что замок был далеко отсюда, в устье Великой реки, на самом берегу моря.

— Ах! — вздрогнув, сказал Каспиан. — Вы имеете в виду Черные леса? Там же... ну, вы знаете... там живут привидения.

— Ваше высочество, вы говорите то, чему вас научили. Но это ложь, истории, придуманные тельмаринцами. Там нет привидений. Ваши короли страшно боятся моря, потому что не могут забыть, что во всех преданиях Аслан приходит из-за моря. Они не хотят приближаться к морю и не хотят, чтобы к нему приближались другие. Они позволили вырасти огромным лесам, чтобы отрезать свой народ от побережья. Они боятся лесов, потому что поссорились с деревьями. От страха перед лесами они вообразили, что там полно привидений. Король и вельможи, ненавидящие море и лес, сами верят в это и поддерживают веру в других. Они чувствуют себя спокойнее, если никто в Нарнии не осмеливается выходить к побережью и смотреть на море — по направлению к стране Аслана, заре и восточному краю мира.

Несколько минут царило глубокое молчание. Затем доктор Корнелиус сказал: «Пойдемте. Мы пробыли здесь достаточно долго. Пора спуститься и идти спать».

— Уже пора? — спросил Каспиан. — Мне бы хотелось разговаривать об этом часами.

— Нас начнут искать, если мы не спустимся, — сказал доктор Корнелиус.

5. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАСПИАНА В ГОРАХ

Потом у Каспиана и его наставника было еще много секретных бесед на вершине Главной башни, из них Каспиан узнавал о старой Нарнии все больше и больше, так что мечты и размышления о старых днях, о том, как было бы хорошо, если бы они вернулись, заполняли все свободное время. Но его было немного, потому что образованием принца занялись теперь всерьез. Он учился владеть мечом и скакать верхом, плавать и нырять, стрелять из лука и играть на флейте и лютне, охотиться на оленей и свежевать их потом, а кроме того он учил космографию, риторику, геральдику, стихосложение и, конечно, историю, и немного юриспруденцию, физику, алхимию и астрономию. Магию он учил только в теории, так как доктор Корнелиус сказал, что практическая часть — неподходящее занятие для принцев. «Я сам, — добавил он, — очень посредственный маг и могу делать только самые простые вещи». Навигацию (про нее доктор говорил, что это — благородное и героическое искусство) он не учил, потому что король Мираз неодобрительно относился к морю и к кораблям.

Еще он учился наблюдать. Даже маленьким мальчиком он часто задумывался, почему не любит свою тетю, королеву Призмию; теперь он понял: причина была в том, что она не любила его. Он начал также понимать, что Нарния очень несчастная страна. Налоги были высоки, законы суровы, а Мираз — жесток.

И вот что случилось через несколько лет: королева, казалось, заболела, и по этому поводу во дворце поднялись суматоха и волнение, приходили доктора, шептались придворные. Это было в самом начале лета. Однажды, в разгар этой суеты, Каспиана разбудил среди ночи доктор Корнелиус.

— Мы собираемся заняться астрономией, доктор? — спросил Каспиан.

— Тише, — прошептал доктор. — Верь мне и делай то, что я скажу. Оденься, тебе предстоит долгое путешествие.

Каспиан был очень удивлен, но он научился доверять своему наставнику и сразу же послушался. Когда он оделся, доктор сказал: «Вот сумка, пойдемте в соседнюю комнату и положим в нее остатки от ужина вашего высочества».

— Но ведь там лакеи, — удивился Каспиан.

— Они крепко спят и не скоро проснутся, — ответил доктор. — Я очень слабый маг, но усыпить их я все же могу.

Они пошли в другую комнату, там и вправду оказались два лакея, которые громко храпели,

развалился в креслах. Доктор Корнелиус быстро собрал остатки холодного цыпленка, несколько ломтей оленины, хлеб, яблоки и положил их вместе с маленькой фляжкой вина в сумку, которую дал Каспиану. У нее были лямки, и ее можно было надеть на плечи, как школьный ранец.

— Ваш меч здесь? — спросил доктор.

— Да, — ответил Каспиан.

— Тогда наденьте эту накидку, чтобы спрятать меч и сумку. Отлично. Теперь мы должны подняться на Главную башню и поговорить.

Когда они дошли до вершины башни (была облачная ночь, совсем не похожая на ту, когда они видели сближение Тарвы и Алабил), доктор Корнелиус сказал:

— Дорогой принц, вы должны сейчас же покинуть замок и пойти по свету искать свое счастье. Здесь ваша жизнь в опасности.

— Почему? — спросил Каспиан.

— Потому что вы — настоящий король Нарнии Каспиан Десятый, сын и наследник Каспиана Девятого. Да будет долгой жизнь вашего величества, — и внезапно, к огромному удивлению Каспиана, маленький человечек опустился на одно колено и поцеловал ему руку.

— Что это значит? Я ничего не понимаю! — воскликнул Каспиан.

— Я все время удивлялся, что вы не спрашивали меня, — сказал доктор, — почему вы, сын короля Каспиана, не король. Все кроме вашего величества знают, что Мираз узурпатор. В начале своего правления он был не королем, а лордом-протектором. Когда умерла ваша царственная мать (она была доброй королевой и единственная из тельмаринцев была ласкова со мной) все лорды, знавшие вашего отца, один за другим тоже умерли или исчезли. Не случайно, конечно. Мираз удалил их. Велизар и Ювизар были застрелены из лука на охоте: объявили, что это несчастный случай. Всех воинов из семьи Пассаридов послали биться с великанами на северной границе, и там они погибли. Арлиана, Еримона и еще нескольких казнили по ложному обвинению. Двое были объявлены сумасшедшими и заперты. А под конец он убедил семерых благородных лордов, единственных из всех тельмаринцев не боявшихся моря, плыть на поиски новых земель в Восточные Моря, и никто из них не вернулся, как он и задумал. И когда не осталось ни одного, кто мог сказать хоть слово в вашу защиту, льстецы (по его повелению) начали умолять его стать королем. Конечно же, он согласился.

— Вы сказали, что теперь он и меня хочет убить? — спросил Каспиан.

— Да, это так, — ответил доктор Корнелиус.

— Но почему теперь? — спросил Каспиан. — Почему он не сделал этого много лет тому назад? Чем я ему помешал?

— Он изменил свое решение, потому что два часа назад кое-что произошло. У королевы теперь есть сын.

— Я не понимаю, при чем тут это, — сказал Каспиан.

— Не понимаете! — воскликнул доктор. — Разве все мои уроки истории и политики не подсказывают вам объяснения? Тогда слушайте. Пока у него не было собственных детей, он хотел, чтобы вы были королем после его смерти. Он не слишком заботился о вас, но предпочитал, чтобы на троне были вы, а не чужак. Теперь, когда у него есть свой сын, он захочет, чтобы тот был королем после него. А вы стоите у него на пути. И он уберет вас.

— Он действительно такой плохой? — спросил Каспиан. — Он убьет меня?

— Он убил вашего отца, — произнес доктор Корнелиус. Каспиана охватило странное чувство, и он ничего не ответил.

— Я могу рассказать вам эту историю, — добавил доктор. — Но не сейчас. У нас нет времени. Вы должны вырваться отсюда.

— Вы поедете со мной? — спросил Каспиан.

— Я не осмеливаюсь, — ответил доктор. — Это увеличит опасность. Двоих выследить легче, чем одного. Дорогой принц, дорогой король Каспиан, наберитесь мужества. Вы должны ехать один и сейчас же. Попытайтесь пересечь южную границу и попасть ко двору орландского короля Нейна. Он будет добр к вам.

— И мы никогда не увидимся с вами, — произнес Каспиан дрожащим голосом.

— Я буду надеяться на встречу, дорогой король, — сказал доктор, — у меня нет друзей в этом мире, кроме вашего величества. И я слабый маг. Но сейчас самое главное — скорость. Здесь для вас два подарка. Вот маленький кошелек с золотом — увы, все сокровища замка ваши по пра-

ву. Но есть и кое-что получше.

Он что-то вложил в руку Каспиана, и тот на ощупь понял, что взял рог.

— Это — великое и священное сокровище Нарнии. Многим опасностям я подвергался, много заклинаний произнес, чтобы найти его, когда был молод. Это волшебный Рог самой королевы Сьюзен; она оставила его, исчезнув из Нарнии в конце Золотого века.

Рассказывают, что тот, кто протрубит в него, получит удивительную помощь, но никто не знает, что это будет. Может быть, этот Рог в силах вызвать из прошлого королеву Люси и короля Эдмунда, и королеву Сьюзен, и Верховного Короля Питера, и они все исправят. Может быть, он вызовет самого Аслана. Возьмите его, король Каспиан, но не пользуйтесь им, пока не придет крайняя нужда. А теперь — спешите, спешите, спешите. Маленькая дверь в сад у самого подножия башни не заперта. Здесь мы должны расстаться.

— Я могу взять моего Скакуна? — спросил Каспиан.

— Он уже оседлан и ждет вас в углу сада.

Пока они спускались по длинной лестнице, доктор Корнелиус продолжал шепотом давать советы и указания. Сердце Каспиана замирало от страха, но он крепился. Затем свежий воздух сада, горячее рукопожатие доктора, бег через лужайку, приветственное ржание Скакуна, и король Каспиан Десятый оставил замок своих предков. Оглянувшись назад, он увидел фейерверк в честь рождения нового принца.

Всю ночь он скакал на юг, выбирая окольные дороги и лесные тропинки, пока был в знакомой части страны, потом стал держаться больших дорог. Скакун так же, как и его хозяин, был возбужден этим необычным путешествием, а Каспиан, хоть и плакал, когда прощался с доктором Корнелиусом, теперь чувствовал себя храбрым и счастливым, потому что был королем, скачущим навстречу приключениям, с мечом на левом боку и волшебным Рогом королевы Сьюзен на правом. Но когда пришел день и принес мелкий дождик, он огляделся и увидел, что вокруг неизвестные леса, дикие степи и голубые горы, подумал о том, как велик мир, и почувствовал себя маленьким и испуганным.

Когда совсем рассвело, он съехал с дороги и нашел поросшую травой полянку в лесу, где смог отдохнуть. Он снял со Скакуна уздечку и пустил его попасться, съел холодного цыпленка, выпил вина и тут же уснул. Проснулся он далеко за полдень, снова поел и продолжил свое путешествие на юг, держась малолюдных дорог. Местность была холмистая, и он все время то поднимался, то спускался, но чаще поднимался. И с каждого холма он видел впереди горы, которые становились все выше и чернее. Когда наступил вечер, он достиг их подножья. Поднялся ветер. Дождь перешел в ливень, гремел гром, Скакуну приходилось нелегко. Теперь они с трудом продвигались по темному и казавшемуся бесконечным сосновому лесу, и Каспиану пришли на ум все истории, которые он слышал о вражде деревьев к человеку. Он вспомнил, что все же он тельмаринец, один из тех, кто повсюду рубят деревья и воюют с обитателями лесов, и хотя сам он был не таким, деревья могли об этом не знать.

Они и в самом деле не знали. Ветер превратился в бурю, вокруг скрипели и стонали деревья. Вдруг раздался треск. На дорогу прямо позади него упало дерево. «Спокойно, Скакун, спокойно!» — сказал Каспиан, поглаживая шею лошади, но сам он дрожал, потому что знал, что был на краю гибели. Вспыхнула молния и раскат грома, казалось, расколол небо пополам прямо над его головой. Теперь лошадь действительно понесла. Каспиан был хороший наездник, но у него не хватало сил остановить лошадь. Он еще держался в седле, но знал, что пока длится эта дикая скачка, его жизнь висит на волоске. Все новые деревья вставали в сумерках у него на пути, и он с трудом огибал их. Внезапно что-то ударило Каспиана по лбу, и больше он ничего не помнил.

Он пришел в себя в каком-то месте, где горел костер. Руки и ноги его были в синяках, голова болела. Поблизости кто-то тихо переговаривался.

— Пока оно не проснулось, — сказал один голос, — мы должны решить, что с ним делать.

— Убить, — предложил другой. — Мы не можем оставить его в живых. Оно выдаст нас.

— Мы могли убить его сразу, или оставить одного, — вмешался третий голос, — но как мы уьем его сейчас, после того как принесли сюда и перевязали? Это будет убийство гостя.

— Джентльмены, — произнес Каспиан слабым голосом, — что бы вы ни сделали со мной, я надеюсь, вы будете добры к моему бедному коню.

— Твой конь ускакал задолго до того, как мы нашли тебя, — сказал первый голос (Каспиан заметил, что он был необычайно грубый и хриплый).

— Не позволяй ему сбивать тебя вежливыми словами. — произнес второй. — А еще я скажу...

— Рога и рогатки! — воскликнул третий голос. — Конечно же мы не будем убивать его. Стыдись, Никабрик! Ну, что ты скажешь, Боровик? Что нам делать с ним?

— Я дам ему попить, — сказал первый голос, вероятно, принадлежавший Боровику. Что-то темное приблизилось к постели. Каспиан почувствовал, что кто-то ласково подсовывает руку ему под плечо — если это, конечно, была рука. В очертаниях того, кто склонился над ним было что-то неправильное. Да и в лице было что-то не то. Оно было длинноносое, поросшее волосами, а по обеим сторонам его виднелись странные белые полосы. «Наверно, это маска, — подумал Каспиан, — или мне чудится из-за лихорадки». У его губ оказалась полная чашка чего-то сладкого и горячего, и он выпил. В этот момент кто-то раздул костер. Вспыхнуло яркое пламя, и Каспиан вскрикнул потрясенный, когда лицо над ним внезапно осветилось. Оно было не человеческое, а барсучье, и куда больше, дружелюбней и разумней, чем морда любого барсука, которого он видел раньше. И он явно умел говорить. Каспиан понял теперь, что лежит в пещере на постели из вереска. Перед огнем сидели два маленьких бородатых человечка. Они были ниже ростом, худее, а волосы у них росли еще гуще, чем у доктора Корнелиуса, и он вдруг догадался, что это настоящие гномы, древние гномы без капли человеческой крови в жилах. Каспиан понял, что попал наконец к старым нарнийцам. И тут все поплыло перед ним.

Спустя несколько дней он научился различать их по именам. Барсука звали Боровик, и он был самый старый и самый добрый из всех троих. Тот, кто хотел убить Каспиана, был угрюмый Черный гном (волосы и борода у него были черными, тонкими и жесткими как лошадиная грива). Звали его Никабрик. Другой был Рыжий гном с волосами, похожими на лисий мех, и звали его Трам.

— Теперь, — сказал Никабрик в первый же вечер, когда Каспиан почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы сесть и поговорить, — мы должны решить, что делать с этим человеком. Вы двое думаете, что совершаете доброе дело, не позволяя мне убить его. Но я полагаю, что в результате нам придется держать его пленником всю жизнь. Я не позволю ему уйти живым — уйти назад к его собственному роду и выдать всех нас.

— Шары и шарады! Никабрик! — воскликнул Трам. — Почему ты говоришь так грубо? Разве это создание виновато, что разбило голову о дерево прямо против нашей норы? И мне кажется, что оно не похоже на предателя.

— Вы даже не спросили, — сказал Каспиан, — хочу ли я вернуться назад. А я не хочу. Я хочу остаться с вами — если вы позволите. Я искал таких как вы всю жизнь.

— Хорошенькая история. — проворчал Никабрик, — ты тельмаринец и человек, не так ли? И конечно ты хочешь вернуться назад к своим.

— Даже если бы я и хотел, то не могу, — сказал Каспиан. — Я спасался бегством, когда произошел этот несчастный случай. Король хочет убить меня. Если вы меня убьете, то доставите ему удовольствие.

— Ну-ну, — сказал Боровик, — не говори так!

— Что это значит? — спросил Трам. — Что ты такого сделал, человек, чтобы успеть поспорить с Миразом в твоём возрасте?

— Он мой дядя... — начал Каспиан, но тут Никабрик схватился за кинжал.

— Ну вот, — закричал он, — не только тельмаринец, но и родственник и наследник нашего величайшего врага! Вы сошли с ума и хотите оставить это создание в живых? — И он бы ударил Каспиана кинжалом, но барсук и Трам стали у него на пути, силой отвели назад и усадили.

— Раз и навсегда, Никабрик, — сказал Трам, — или ты будешь держать себя в руках, или нам с Боровиком придется проучить тебя.

Никабрик мрачно пообещал вести себя хорошо, и они попросили Каспиана рассказать его историю. Когда он кончил, воцарилось молчание.

— Это самая странная история из всех, которые я когда-нибудь слышал, — заметил Трам.

— Мне это не нравится, — сказал Никабрик. — Я не знал, что о нас все еще рассказывают среди людей. Чем меньше будут знать о нас, тем лучше. И эта старая нянька. Она бы лучше держала язык за зубами. И то, что в это замешан его наставник — гном-изменник. Я ненавижу их даже больше, чем людей. Помяните мое слово — ничего хорошего из этого не выйдет.

— Не говори о том, в чем не разбираешься, Никабрик, — возразил Боровик. — Вы, гномы,

такие же забывчивые и изменчивые, как и люди. А я зверь, да к тому же барсук. Мы не меняемся. Мы остаемся такими же. И я скажу, что это сулит много хорошего. Здесь, с нами истинный король Нарнии — настоящий король, вернувшийся в настоящую Нарнию. Мы, звери, помним, даже если гномы забыли, что только при королях — детях Адама — в Нарнии было все в порядке.

— Свистки и свиристели! — сказал Трам. — Но это не значит, Боровик, что ты хочешь отдать нашу страну людям?

— Этого я не говорил, — ответил барсук. — Нарния не страна людей (кто знает это лучше меня?), но королем в ней должен быть человек. У нас, у барсуков, достаточно хорошая память, чтобы не сомневаться в этом. Разве, да будет благословение на нас всех. Верховный Король Питер не был человеком?

— И ты веришь в эти старые сказки? — спросил Трам.

— Я же говорил вам, что мы, звери, не меняемся, — сказал Боровик. — И не забываем. Я верю в Верховного Короля Питера и остальных, которые правили в Кэр-Паравеле, так же твердо, как верю в самого Аслана.

— Ну, понятно, — протянул Трам. — Но кто же верит в Аслана в наши дни?

— Я верю, — сказал Каспиан. — И если я не верил в него раньше, то поверил теперь. Там, среди людей те, кто смеются над Асланом, смеются и над историями про говорящих зверей и гномов. Иногда я сомневался, существует ли на самом деле Аслан; я сомневался и в вашем существовании. Но ведь вы существуете.

— Ты прав, король Каспиан, — произнес Боровик. — И пока ты будешь предан старой Нарнии, ты будешь моим королем, что бы они ни говорили. Да здравствует ваше величество!

— Меня тошнит от этого, барсук, — проворчал Никабрик. — Может быть, Верховный Король Питер и остальные были людьми, но они были совсем другими людьми. А это один из проклятых тельмаринцев. Они охотятся на зверей ради развлечения. А ты разве не охотился? — добавил он, внезапно поворачиваясь к Каспиану.

— Сказать по правде, охотился, — ответил Каспиан. — но не на говорящих зверей.

— Ну, это безразлично, — сказал Никабрик.

— Нет, нет, — возразил Боровик. — Ты же знаешь, что это не так. Ты прекрасно знаешь, что в наши дни звери в Нарнии — только бедные немые создания, глупые твари, такие же как в Тархистане или Тельмаре. К тому же они меньшего размера и отличаются от нас больше, чем полугномы от вас.

Они еще долго препирались, но в конце концов все согласились, что Каспиан должен остаться, и даже пообещали (когда он сможет выходить) познакомить его с теми, кого Трам называл «другие», ибо в этих диких местах скрывались различные создания, такие же как и в старой Нарнии.

6. ЛЕСНЫЕ УБЕЖИЩА

Теперь для Каспиана настали счастливейшие дни. В чудесное солнечное утро, когда роса легла на траву, он вышел с барсуком и двумя гномами, поднялся лесом к высокой седловине в горах и спустился на залитый солнцем южный склон, откуда были видны зеленые равнины Орландии.

— Сначала мы пойдем к трем медведям Толстякам, — сказал Трам.

Они вышли на полянку к старому дуплистому дубу, поросшему мхом, и Боровик три раза стукнул лапой по стволу. Никто не отвечал. Тогда он стукнул снова. И сиплый голос изнутри проговорил: «Уходите, еще не время вставать». Когда же он постучал еще раз, послышался шум, подобный небольшому землетрясению, открылось что-то вроде двери и оттуда показались три толстых бурых медведя, моргающих глазками. Когда им объяснили, в чем дело (это заняло много времени, потому что они были очень сонными), они согласились с Боровиком, что королем Нарнии должен быть сын Адама, поцеловали Каспиана — что было не слишком приятно — и предложили ему меда. Каспиану не хотелось есть мед без хлеба в такой ранний час, но он понимал, что отказываться невежливо. Потом пришлось отмывать руки и лицо.

Затем они продолжили свой путь и шли, пока не очутились среди высоких буковых деревьев. Тут Боровик позвал: «Тараторка! Тараторка!», и они увидели белку, которая перепрыгивала с ветки на ветку, пока не оказалась над их головами. Это была рыжая белка, великолепнейшая из всех,

когда-либо виденных Каспианом. Она была значительно крупнее простых немых белок из дворцового сада, размером с терьера, и когда вы глядели ей в глаза, то сразу понимали, что она умеет говорить. Трудность же заключалась в том, чтобы остановить ее; как все белки, она была болтушкой. Она сразу же приветствовала Каспиана и спросила, любит ли он орехи. Каспиан поблагодарил и сказал, что любит. Когда Тараторка ускакала, чтобы принести орехи, Боровик шепнул Каспиану: «Смотри не туда, а в другую сторону. Среди белок считается дурным тоном глядеть, как кто-то идет к своим запасам (как будто ты хочешь узнать, где они)». Тараторка вернулась с орехами, Каспиан их съел, а она спросила, не передать ли весть о нем остальным. «Ведь я могу передвигаться, не касаясь лапами земли», — сказала она. Боровик и гном согласились, что это отличная идея, и надавали ей множество поручений к существам со страннейшими именами. Она должна была передать им приглашение на пир и совет на Танцевальной поляне через три ночи. «Скажи об этом и медведям Толстякам, — добавил Трам, — а то мы забыли предупредить их».

Потом они пошли к семи братьям из Шуршащего леса. Трам повел их назад к горной седловине, а потом вниз на восток по северному склону, к мрачной прогалине среди камней и елей. Шли они очень тихо, и внезапно Каспиан почувствовал, что земля дрожит под его ногами, как будто внизу кто-то орудует молотом. Трам подвел их к плоскому камню размером с днище от бочки и постучал по нему ногой. Через некоторое время камень сдвинулся и открылась темная круглая дыра, из нее вырвался горячий воздух и показалась голова гнома, очень похожего на Трам. Они долго разговаривали. Гном, похоже, удивился больше, чем белка или медведи, но в конце концов всю компанию пригласили спуститься. Они шли вниз по темной лестнице, пока не увидели свет. Это был пылающий горн. Пещера оказалась кузницей. В ней протекал подземный ручей. Двое гномов стояли у кузнечных мехов, третий удерживал щипцами на наковальне кусок раскаленного докрасна металла, четвертый бил по нему молотом, а еще двое, вытирая маленькие мозолистые руки о засаленную тряпку, спешили навстречу гостям. Потребовалось некоторое время, чтобы убедить их, что Каспиан друг, а не враг, но в конце концов они закричали хором: «Да здравствует король!» — и сделали всем замечательные подарки — кольчуги, шлемы и мечи. Барсук отказался от таких подарков, заметив, что он зверь, и если уж когти и зубы не могут сохранить его шкуру в целости, то ее и сохранять не стоит. Выделка вооружения была отличная, и Каспиан счастлив был получить меч, сделанный гномами, вместо своего, казавшегося рядом с ним топорно сработанной игрушкой. Семеро братьев (они были Рыжими гномами) обещали прийти на Танцевальную поляну.

Немного позже Каспиан с провожатыми добрались до сухого каменистого ущелья, где была пещера пяти Черных гномов. Они тоже удивились, увидев Каспиана, но в конце концов старший из них сказал: «Если он против Мираза, мы признаем его королем». А другой добавил: «Давай поднимемся выше в горы. Там живут пара Людоедов и Ведьма. Мы можем привести их к тебе».

— Нет, не надо, — ответил Каспиан.

— И я думаю, что не надо, — сказал Боровик, — мы не хотим, чтобы на нашей стороне были такие существа. — Никабрик не согласился, но Трам и барсук победили в споре. Каспиан был потрясен тем, что не только хорошие, но и ужасные создания из старой Нарнии еще имеют потомков.

— Аслан не будет с нами, если мы приведем этот сброд, — сказал Боровик, когда они вышли из пещеры Черных гномов.

— А-а, Аслан! — проговорил Трам насмешливо. — Куда вероятней, что с вами не будет меня.

— А ты веришь в Аслана? — спросил Каспиан Никабрика.

— Я верю в кого угодно и во что угодно, — ответил Никабрик, — если оно уничтожит проклятых тельмаринских варваров или выгонит их из Нарнии. Кто угодно или что угодно. Аслан или Белая Колдунья.

— Тише, тише, — сказал Боровик. — ты не знаешь, что говоришь. Она была врагом куда худшим, чем Мираз и все его племя.

— Но не для гномов, — возразил Никабрик.

Следующий их визит был гораздо приятней. Когда они спустились пониже, горы уступили место большой долине или лесистому ущелью с быстрой речкой внизу. Берег ее зарос наперстянкой и шиповником, а воздух был полон жужжания пчел. Боровик позвал: «Гленсторм! Гленсторм!», и Каспиан услышал звук копыт. Он становился все громче и громче, пока наконец не за-

дрожала вся долина и не показались, топча заросли, самые благородные из всех созданий, уже виденных Каспианом — великий кентавр Гленсторм и три его сына. Каштановые бока Гленсторма блестели, а широкую грудь покрывала золотисто-рыжая борода. Он был пророк и звездочет и знал, что они придут.

— Да здравствует король! — воскликнул он. — Я и мои сыновья готовы к войне. Когда будет битва?

До сих пор ни Каспиан, ни остальные не думали всерьез о войне, они планировали набеги на фермы и нападения на охотников, забредших слишком далеко на дикий юг. В основном они думали только о том, чтобы просуществовать самим в лесах и пещерах и постепенно возродить в укрытии старую Нарнию. Но после слов Гленсторма все задумались.

— Вы имеете в виду настоящую войну, чтобы выгнать Мираза из Нарнии? — спросил Каспиан.

— А что же еще? — сказал кентавр. — Для чего еще ваше величество одевается в кольчугу и препоясывается мечом?

— Это возможно, Гленсторм? — спросил барсук.

— Время подошло, — ответил кентавр. — Я наблюдал звезды, барсук, ибо мое дело наблюдать, как ваше — помнить. Тарва и Алабил встретились на небесных просторах, а на земле сын Адама еще раз поднялся, чтобы править зверями и давать им имена. Час настал. Наш совет на Танцевальной поляне должен быть военным советом. — Он сказал это так, что Каспиан и все остальные согласились не раздумывая: теперь они поверили, что смогут выиграть войну и непременно должны ее начать. Была уже середина дня, поэтому они расположились на отдых у кентавров и ели то, что обычно едят кентавры — овсяное печенье, яблоки, зелень, вино и сыр.

Следующее место, куда они собрались, было очень близко, но им пришлось идти круглым путем, чтобы обогнуть селение, где жили люди. Был уже вечер, когда они попали на источающие тепло ровные поля, окруженные изгородями. Боровик остановился у отверстия маленькой норы в покрытой зеленью насыпи и позвал. Из норки высунулся тот, кого Каспиан меньше всего ожидал увидеть — говорящий Мыш. Он был, конечно, больше обычных мышей, и когда стоял на задних лапах, достигал фута в высоту. Уши у него были почти такие же длинные, как у кролика (хотя и гораздо шире). Звали его Рипичип, и характер у него был веселый и воинственный. На боку он носил шпагу и закручивал свои длинные бакенбарды наподобие усов. «Нас тут двенадцать, ваше величество, — сказал он, лихо и грациозно кланяясь, — и я предоставлю весь мой отряд в ваше неограниченное распоряжение». Каспиан с трудом подавил смех (и преуспел в этом): он подумал, что Рипичип со всем отрядом легко уместится в корзинке, которую сможет поднять любой.

Долго можно еще перечислять тех, кого Каспиан встретил в этот день — крота Землекопа, трех братьев Острозубов (они, как и Боровик, были барсуками), зайца Камилло, ежа Колючку. Наконец они смогли отдохнуть у родника на краю ровной травянистой полянки, окруженной высокими вязами. От вязов поперек полянки уже легли длинные тени, потому что солнце садилось: маргаритки закрылись, а грачи полетели устраиваться на ночлег. Они поужинали тем, что принесли с собой, и Трам раскурил трубку (Никабрик не курил).

— Если бы мы смогли еще пробудить деревья и родники, то мы сегодня славно бы потрудились, — сказал барсук.

— А это можно сделать? — спросил Каспиан.

— Нет, — ответил Боровик, — над ними у нас власти нет. С тех пор как люди пришли в эту страну и стали валить деревья и осквернять ручьи, дриады и наяды впали в глубокий сон. Кто знает, смогут ли они пробудиться снова? Это огромная потеря для нас. Тельмаринцы ужасно боятся леса, и если деревья в гневе двинутся на них, они от страха сойдут с ума и уберутся из Нарнии так быстро, как только смогут.

— Что за воображение у этих зверей! — сказал Трам, который не верил во все это. — Зачем ограничиваться деревьями и источниками? Не лучше ли, если и камни сами начнут бросаться в старого Мираза?

Барсук только хмыкнул в ответ, и наступило такое долгое молчание, что Каспиан уже почти заснул, когда ему показалось, что из глубины леса доносятся слабые звуки музыки. Он решил, что это ему снится и перевернулся на другой бок; но как только ухо его коснулось земли, он услышал слабый топот или бой барабана. Он поднял голову. Шум стал слабее, но музыка слышалась ясней. Похоже было, что играют на флейтах. Каспиан увидел, что Боровик сидит, уставившись в лес.

Поляну заливала яркая луна; он проспал дольше чем думал. Музыка все приближалась, но мотив был еще неясным, и громче становился топот множества легких ног, и вот наконец из леса на лунный свет вышли, танцуя, те, о ком Каспиан думал всю свою жизнь. Они были чуть выше гномов, но более грациозные и хрупкие. На курчавых головах виднелись маленькие рожки, верхняя часть тела была обнажена и блестела в бледном свете, ноги были как у коз.

— Фавны! — вскакивая на ноги закричал Каспиан, и в этот момент они окружили его. Им пришлось долго объяснять ситуацию, и они сразу же приняли Каспиана. И раньше чем он понял, что делает, он закружился с ними в танце. Трам, хоть и двигался не так легко и плавно, тоже танцевал, и даже Боровик неуклюже прыгал вместе со всеми. Только Никабрик наблюдал молча, не сдвинувшись с места. Фавны прыгали вокруг Каспиана, играя на свирелях. Их странные лица, казавшиеся одновременно и печальными и веселыми, приближались к его лицу; их было много — Ментиус и Обентиус, Думнус, Волнус, Волтинус, Гирбиус, Нименус, Насунс и Осунс. Тараторка привела всех.

Когда Каспиан проснулся на следующее утро, он с трудом поверил, что это был не сон; но трава была покрыта маленькими отпечатками раздвоенных копытцев.

7. СТАРАЯ НАРНИЯ В ОПАСНОСТИ

Конечно, место, где они встретили фавнов, и было Танцевальной поляной, и они остались там до ночи Великого Совета. Спать под звездами, не пить ничего кроме родниковой воды, есть только орехи и дикие плоды — все это было странно Каспиану, привыкшему к постели с шелковыми простынями в затянутой гобеленами дворцовой спальне, еде, лежащей на золотых и серебряных блюдах, и слугам, ждущим его приказаний. Но никогда еще ему не было так хорошо. Никогда сон так не освежал его, еда не была такой вкусной: тело его закалилось, а на лице появилось королевское выражение.

Когда пришла великая ночь, его странные подданные начали тайком пробираться на поляну — поодиночке, вдвоем, втроем, целыми компаниями. Луна ярко светила, и сердце его переполнилось радостью, когда он увидел, сколько их и услышал их приветствия. Все, с кем он познакомился, были здесь — медведи Толстяки, Рыжие и Черные гномы, кроты и барсуки, зайцы и ежи, и другие, которых он еще не видел — пять сатиров, рыжих как лисицы, целый отряд говорящих мышей, вооруженных до зубов и вышагивающих под пронзительные звуки трубы, несколько сов, старый Ворон с Вороньей скалы. Последним вместе с кентаврами (у Каспиана даже дух перехватило) пришел небольшой, но самый настоящий великан Смерчин с холма Мертвого человека. Он принес на спине целую корзину гномов, которых укачало как от морской болезни.

Медведи Толстяки хотели, чтобы сначала был пир, а после, желательно завтра, совет. Рипичип и его мыши считали, что и совет, и пир могут подождать, а нужно идти на приступ замка Мираза этой же ночью. Тараторка и другие белки сказали, что они могут разговаривать и есть одновременно, так почему бы не устроить совет и пир сразу. Кроты предложили раньше всего вырыть ров вокруг поляны. Фавны думали, что лучше всего начать с торжественного танца. Старый Ворон, который был согласен с медведями в том, что нельзя провести весь совет до ужина, попросил разрешения произнести краткую речь. Но Каспиан, кентавры и гномы отвергли все эти предложения и настойчиво потребовали сейчас же провести настоящий военный совет.

Когда всех уговорили сесть спокойно большим кругом и когда (с величайшим трудом) удалось остановить Тараторку, которая бегала взад и вперед и кричала: «Молчите! Молчите все, король будет говорить», — Каспиан поднялся, немного волнуясь. «Нарнийцы!» — начал он, но не смог продолжить, потому что в этот момент заяц Камилло сказал: «Тише! Здесь где-то поблизости человек».

Они были созданиями осторожными, привыкшими что на них охотятся, и потому застыли как статуи, а звери повернули носы туда, куда указывал Камилло.

— Пахнет как человек, но все же не совсем как человек, — прошептал Боровик.

— Он подбирается ближе, — сказал Камилло.

— Два барсука и три гнома с луками наизготовку, пойдите тихо ему навстречу. — скомандовал Каспиан.

— Ну уж мы его встретим, — угрюмо проговорил Черный гном, прилаживая стрелу к тетиве.

— Не стреляйте, если он один, — добавил Каспиан. — Поймайте его.

— Зачем? — спросил гном.

— Делай то, что тебе приказано, — сказал кентавр Гленсторм.

Все ждали молча, пока три гнома и два барсука бежали, стараясь не шуметь, к деревьям на северо-западном краю поляны. Затем раздался пронзительный окрик: «Стой! Кто здесь?» — и гном внезапно прыгнул. Секундой позже голос, который Каспиан так хорошо знал, проговорил: «Все в порядке. все в порядке, я не вооружен. Держите меня за руки, если хотите, достойные барсуки, но не кусайтесь. Я хочу говорить с королем».

— Доктор Корнелиус, — радостно закричал Каспиан и бросился вперед, чтобы встретить своего старого наставника. Все сгрудились вокруг.

— Фу, — фыркнул Никабрик, — гном-изменник. Ни то, ни се, серединка на половинку. Вонзить мой меч ему в горло?

— Успокойся, Никабрик, — сказал Трам, — он не виноват в том, какие у него предки.

— Это мой самый большой друг, спасший мне жизнь, — объяснил Каспиан. — Тот, кому не нравится его общество, может покинуть мою армию — и немедленно. Дорогой доктор, я так рад видеть вас снова. Как вы отыскиали нас?

— Использовал простейшую магию, ваше величество, — пропыхтел доктор, еще задыхаясь от быстрой ходьбы. — Но сейчас нет времени обсуждать это. Мы должны немедленно уходить отсюда. Вас предали, и Мираз двинулся в поход. Завтра до полудня вы будете окружены.

— Предали! — воскликнул Каспиан. — Но кто?

— Без сомнения, какой-нибудь гном-изменник, — сказал Никабрик.

— Ваш Скаун. — сказал доктор Корнелиус. — Но бедное животное не виновато. Когда вы вылетели из седла, он, конечно, вернулся в дворцовую конюшню. Тогда раскрылся ваш побег. Я ускользнул, чтобы не отвечать на вопросы в камере пыток Мираза, и легко угадал с помощью магического кристалла, где вас искать. Вчера я весь день видел в лесу следопытов Мираза, и понял, что его армия выступила. Я предполагал, что у некоторых ваших — гм — чистокровных гномов больше лесных навыков. Вы оставили множество следов вокруг этого места. Большая ошибка. Во всяком случае, Мираз понял, что старая Нарния не так мертва, как он надеялся, и начал действовать.

— Уррра! — раздался чей-то тоненький и пронзительный голос прямо из-под ног доктора. — Выступаем! Я прошу только, чтобы король выставил вперед меня и мой отряд.

— Что это? — спросил доктор Корнелиус. — Ваше величество набирает в свою армию кузнечиков — или комаров? — Он наклонился и, взглядевшись сквозь очки, рассмеялся.

— Клянусь Львом, — произнес он, — этомышь. Сеньор Мышь, я хотел бы познакомиться с вами получше. Большая честь для меня встретить такого доблестного зверя.

— Моя дружба к вашим услугам, ученый человек, — пропищал Рипичип. — И любой гном — или великан — если он не будет вежлив с вами, должен помнить о моей шпаге.

— Разве есть время на все эти глупости? — спросил Никабрик. — Каковы наши планы? Битва или бегство?

— Если нужно, мы будем биться, — сказал Трам. — Но пока мы плохо подготовлены, и место не слишком удобное для обороны.

— Мне не нравится мысль о бегстве, — возразил Каспиан.

— Слушайте, слушайте его, — запыхтели медведи, — что бы мы ни делали, мы не должны бегать, особенно перед ужином или вскоре после него.

— Тот, кто бежит первым, не всегда бежит последним, — вступил в разговор кентавр. — И почему мы должны позволять их армии выбирать позицию вместо того, чтобы выбрать ее самим? Лучше мы сами найдем удобное место.

— Это очень мудро, ваше величество, — сказал Боровик.

— Ваше величество, — начал доктор Корнелиус, — и все вы, разнообразнейшие создания, я думаю, что нам надо бежать на восток, вниз к реке, в леса. Тельмаринцы ненавидят этот край. Они всегда боялись моря и всего, что может прийти из-за моря. Поэтому они позволили вырасти там огромным лесам. И если предания говорят правду, древний Кэр-Паравел находится в устье реки. Эта земля будет помогать нам, а не нашим врагам. Мы должны пойти к кургану Аслана.

— Курган Аслана? — раздалось несколько голосов. — А что это такое?

— Он стоит на краю великих лесов, это громадный холм, который нарнийцы насыпали в древние времена на том самом месте, где стоял — а, может быть, еще и стоит — магический Ка-

мень. Холм весь прорезан галереями и ходами, и Камень находится в центральной пещере. В кургане поместятся все наши запасы, а те, кто нуждаются в укрытиях или привыкли к подземной жизни, поселятся в пещерах. Остальные будут жить в лесу. В случае нужды все (за исключением почтенного великана) смогут укрыться внутри холма, и там мы будем защищены от всех опасностей, кроме голода.

— Хорошо, что среди нас есть ученый человек, — сказал Боровик.

Но Трам пробормотал себе под нос: «Суп и сельдерей! Хотел бы я, чтобы наши вожди поменьше думали о старых бабьих сказках и побольше о провианте и вооружении». Но все приняли предложение Корнелиуса и этой же ночью двинулись в поход. К восходу солнца они добрались до кургана Аслана.

Место действительно внушало благоговение. Округлый зеленый бугор на вершине холма давно зарос деревьями. Внутрь вела низкая дверь. Легко было запутаться в туннелях, пока вы не запомнили их. Стены были облицованы гладкими камнями, и в сумраке Каспиан с трудом разглядел картины, сложные узоры, рисунки, в которых изображение Льва повторялось снова и снова. Все это принадлежало Нарнии, еще более древней чем та, о которой ему рассказывала няня.

После того, как они расквартировались внутри и вокруг кургана, удача отвернулась от них. Разведчики короля Мираза скоро нашли их новое убежище, и король с армией расположился на краю леса. Как это часто случается, враги оказались сильнее, чем они думали. Сердце Каспиана замерло, когда он увидел, как подходят рота за ротой. Люди Мираза боялись лесов, но еще больше они боялись Мираза, и по его приказу оттесняли нарнийцев все глубже в лес, иногда до самого кургана. Каспиан и другие, конечно, делали вылазки. Так они сражались много дней, и даже ночей, но армия Каспиана терпела поражение.

Наконец наступила такая отвратительная ночь, хуже которой не бывает: дождь лил весь день и прекратился только к полуночи, уступив место сырости и холоду. В то утро Каспиан понял, что близится большое сражение, и на него все надежды.

На рассвете он вместе с гномами напал на правое крыло королевских войск, а в разгар сражения великан Смерчин, кентавры и остальные сильные звери должны были появиться с другой стороны и отрезать правое крыло королевской армии. Но ничего не вышло. Никто не предупредил Каспиана (потому что никто этого не помнил), что великаны не слишком умны. Бедный Смерчин, хоть и был храбр, как лев, умом был настоящий великан. Он выбрал неподходящее время и неподходящее место, и в результате его отряд, и отряд Каспиана сильно пострадали, не нанеся врагу значительного ущерба. Несколько медведей ранило, кентавра — тоже, а в отряде Каспиана лишь немногие не пролили крови. Теперь печальная компания сбилась в кучу под мокрыми деревьями, чтобы съесть свой ужин.

Грустнее всех был великан Смерчин. Он понимал, что это его вина, и молча сидел, проливая огромные слезы. Они собрались в каплю на кончике его носа, и капля с громким всплеском упала на лагерь мышей, только начавших обсыхать и задремывать. Мыши разбежались в разные стороны, отряхиваясь от воды и выжимая свои маленькие одеяла, и спрашивая великана пронзительными резкими голосами, не находит ли он, что они и так достаточно мокрые. Потом проснулись остальные и сказали мышам, что они разведчики, а не концертная группа, и попросили их вести себя потише. Смерчин пошел на цыпочках, чтобы найти такое место, где никто не мешал бы ему грустить, и наступил на чей-то хвост, и кто-то (кажется, это был лис) укусил его. Все были раздражены.

А в тайной магической комнате в сердце кургана король Каспиан, Корнелиус, Боровик, Никабрик и Трам держали совет. Толстые колонны древней работы поддерживали свод. В центре был сам Камень — Каменный Стол, расколотый прямо посередине и покрытый какими-то письменами, но столетия дождя, ветра и снега полностью стерли их еще тогда, когда курган над Каменным Столом не был насыпан. Они сидели не за Столом — он был слишком священен, а на бревнах несколько в стороне, за простым деревянным столом, на котором стоял грубый глиняный светильник, освещавший их бледные лица и бросавший на стены огромные тени.

— Если ваше величество собирается воспользоваться Рогом, — сказал Боровик, — то время для этого пришло. — Каспиан, конечно, рассказал им о своем сокровище еще несколько дней назад.

— Да, мы в большой нужде, — ответил Каспиан, — но, может быть, нас ждет еще худшее, а мы уже используем Рог.

— Рассуждая так, — возразил Никабрик. — ваше величество дождется, что будет слишком поздно.

— Я согласен с этим, — сказал доктор Корнелиус.

— А что ты думаешь, Трам? — спросил Каспиан.

— Что до меня, — Рыжий гном слушал весь этот спор с полным безразличием, — ваше величество знает, что я думаю о Роге — и об этом разбитом Камне — и о вашем великом короле Питере — и о вашем льве Аслане — и обо всей этой чепухе. Мне безразлично, когда ваше величество протрубит в Рог. Я требую только, чтобы армии ничего не говорили об этом. Нехорошо внушать надежды на волшебную помощь, в которой (как я думаю) придется разочароваться.

— Тогда, во имя Аслана, мы протрубим в Рог королевы Сьюзен, — сказал Каспиан.

— Надо учитывать еще одно, ваше величество, — добавил доктор Корнелиус, — Мы не знаем, в какой форме придет помощь. Может быть. Рог вызовет из-за моря самого Аслана. Но я думаю, что скорее всего это будут Верховный Король Питер и его могущественные сопровители из великого прошлого. В любом случае мы не можем быть уверенными, что помощь придет немедленно...

— Никогда еще вы не говорили столь правдивых слов... — начал Трам.

— Я думаю, — продолжал ученый человек. — что они — или он — придут в какое-нибудь из древних мест Нарнии. То место, где мы сейчас, древнейшее магическое место, и вероятней всего, это произойдет здесь. Но есть еще два других. Одно — равнина Фонарного столба, в верховьях реки к востоку от Бобровой запруды, где царственные дети, по преданию, впервые появились в Нарнии. Другое находится в устье реки, где стоял их замок Кэр-Паравел. А если придет сам Аслан, то и его лучше всего встречать в Кэр-Паравеле, ибо во всех преданиях говорится, что он — сын великого Императора Страны-за-морем и приходит оттуда. Я думаю, мы должны отрядить посланцев в оба места — и к равнине Фонарного столба, и к устью реки, чтобы отыскать их — или его.

— А я думаю, — пробормотал Трам, — что первым результатом этой глупости будет потеря двух бойцов.

— Кого вы думали послать, доктор Корнелиус? — спросил Каспиан.

— Лучше всего подходят белки, — сказал Боровик, — они сумеют незаметно пробраться через занятую врагом территорию.

— Все наши белки (а их не так уж много), — возразил Никабрик, — слишком легкомысленны. Единственная, кому бы я мог доверить такое дело — Тараторка.

— Тогда пошлем Тараторку, — согласился Каспиан. — А кто будет другим посланцем? Я знаю, ты бы пошел. Боровик, но ты ходишь слишком медленно. И вы тоже, доктор.

— Я не пойду, — сказал Никабрик. — Среди этих зверей и людей должен быть гном, который может проследить, справедливо ли обращаются с гномами.

— Грозы и грейпфруты! — воскликнул Трам в ярости. — Как ты разговариваешь с королем! Посылайте меня, ваше величество, я пойду.

— Мне казалось, что ты не веришь в Рог, — удивился Каспиан.

— Я и не верю, ваше величество. Но что из этого? Я также легко могу умереть на охоте за диким гусем, как и здесь. Вы мой король. Я знаю разницу между тем, чтобы давать советы, и тем, чтобы выполнять приказы. Вы выслушали мой совет, теперь время для приказов.

— Я никогда не забуду этого, Трам, — сказал Каспиан. — И пошлите за Тараторкой. А когда мне трубить в Рог?

— Думаю, надо дожждаться рассвета, ваше величество, — ответил доктор Корнелиус. — Это иногда имеет значение в действиях Белой Магии.

Через несколько минут появилась Тараторка, и ей объяснили задание. Она, как и многие белки, была полна храбрости, решительности, энергии и озорства (чтобы не сказать — самонадеянности), поэтому, еще не дослушав, уже стремилась уйти. Договорились, что она побежит к равнине Фонарного столба в тот же час, когда Трам начнет свое более короткое путешествие к устью реки. Оба поспешно поели и отправились, напутствуемые пылкими словами благодарности и добрыми пожеланиями короля, барсука и Корнелиуса.

8. КАК ОНИ ПОКИНУЛИ ОСТРОВ

— Итак, — сказал Трам (ибо, как вы поняли, именно он рассказывал эту историю детям, сидевшим на траве в разрушенном зале Кэр-Паравела), — итак, я положил пару корок хлеба в карман, оставил все оружие, кроме кинжала, и на рассвете направился в лес. Я тащился уже много часов, как вдруг услышал звук, который не слышал никогда в жизни. Да, мне не забыть его. Воздух был наполнен им, он был как гром, но более протяжный, прохладный и сладостный, как музыка на воде, и такой сильный, что лес задрожал. И я сказал себе:

«Если это не Рог, назовите меня кроликом». И я удивился, почему король не протрубил в него раньше...

— В какое время это было? — спросил Эдмунд.

— Между девятью и десятью часами. — ответил Трам.

— Как раз тогда, когда мы были на станции! — воскликнули дети, обмениваясь понимающими взглядами.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказала Люси гному.

— Ну, как я уже сказал, я удивился, но продолжал идти так быстро, как мог. Я шел всю ночь, а потом, когда уже наполовину рассвело, рискнул (как будто у меня не больше разума, чем у великана) пройти по открытому месту, чтобы срезать излучину реки. Тут меня и поймали. И не армия, а напыщенный старый глупец, охраняющий маленький замок — последний опорный пункт Мираза в этом краю. Стоит ли говорить, что правды обо мне они не узнали, но я гном, и этого было достаточно. Лилии и лилипуты, мне повезло, что начальник оказался таким напыщенным глупцом. Любой другой просто заколол бы меня, он же решил подвергнуть ужасному наказанию — послать «к духам» по полному церемониалу. И затем эта юная леди (он показал на Сьюзен) воспользовалась своим луком — это был, позвольте сказать, отличный выстрел — и вот мы здесь. Но без моего кинжала, который они забрали, — он выколотил трубку и снова ее набил.

— Боже мой, — сказал Питер, — так это Рог — твой собственный Рог, Сью, — стащил нас со скамейки на платформе вчера утром! Трудно поверить, хоть и ясно, что это так.

— Не знаю, почему ты не веришь в это, — сказала Люси, — если веришь в магию вообще. Разве не говорится во всех историях, как магия переносит людей из одного места — или из одного мира — в другой? Вспомните, когда волшебник в «Тысяче и одной ночи» вызывает Джинна, тот приходит. Так же и мы пришли.

— Да, — сказал Питер, — потому я и чувствую себя так странно, что во всех этих историях есть кто-то в нашем мире, кто зовет, и никто не задумывается, откуда приходит Джинн.

— Теперь мы можем представить себе, что чувствует Джинн, — захихикал Эдмунд. — Ей-богу, не так уж приятно знать, что ты можешь быть высвистан таким образом. Это еще хуже, чем то, что наш папа говорит о жизни во власти телефона.

— Но ведь мы хотим быть здесь. — сказала Люси, — если этого хочет Аслан.

— Что же мы будем делать? — спросил гном. — Я думаю, что мне лучше вернуться к королю Каспиану и сказать, что помощь не придет.

— Как не придет? — удивилась Сьюзен. — Но ведь все получилось. Мы здесь.

— Гм... гм... да... я вижу это, — сказал гном (трубка его потухла, он был сейчас слишком занят, чтобы чистить ее). — Но... ну... я думаю...

— Разве ты не видишь, что мы здесь, — воскликнула Люси,

— Ты просто глуп.

— Я уверен, что вы — те четверо детей из старых преданий, — произнес Трам, — и я, конечно, очень рад встретиться с вами. Без сомнения, это очень интересно. Но... вы не обидитесь?..

— и он снова умолк в раздумьи.

— Продолжай и скажи то, что хочешь, — вставил Эдмунд.

— Ну... не обижайтесь, — проговорил Трам, — поймите, король и Боровик, и доктор Корнелиус ожидали — ну, как бы вам сказать — помощи. Другими словами, я думаю, что они представляли вас великими воинами. Конечно, мы обожаем детей и все такое, но в данный момент, в середине войны... я уверен, вы и сами понимаете.

— Ты имеешь в виду, что мы не годимся, — сказал Эдмунд, краснея.

— Прошу вас, не обижайтесь, — перебил гном, — я уверяю вас, мои дорогие маленькие друзья...

— Слушать, как ты называешь нас маленькими, это уж слишком, — Эдмунд вскочил на ноги. — Похоже, ты не веришь, что мы выиграли битву при Беруне. Можешь говорить все, что хо-

чешь обо мне, потому что я знаю...

— Не выходи из себя, — перебил его Питер. — Давай лучше подберем ему в сокровищнице новое вооружение и сами вооружимся, а об этом поговорим после.

— Я не понимаю зачем... — начал Эдмунд, но Люси прошептала ему на ухо: «Не лучше ли сделать то, что говорит Питер? Ведь он — Верховный Король. Я думаю, у него есть какая-то идея».

Эдмунд согласился и, включив фонарик, все, вместе с Трам, снова спустились в прохладную тьму и пыльную роскошь сокровищницы.

Глаза гнома заблестели, когда он увидел богатства, лежавшие на полках (ему пришлось встать на цыпочки), и он пробормотал про себя: «Никабрику этого видеть нельзя». Они легко нашли кольчугу, меч, шлем, щит, лук и колчан подходящего для гнома размера. Шлем был медный, украшенный рубинами, рукоятка меча вызолочена: Трам за всю свою жизнь не видел, а тем более не имел такого богатства. Дети тоже надели кольчуги и шлемы. Для Эдмунда нашли меч и щит, а для Люси лук; у Питера и Сьюзен были их подарки. Когда, позвякивая кольчугами, они поднялись наверх, то чувствовали себя нарнийцами куда больше, чем школьниками. Мальчики шли чуть позади, обсуждая какой-то план. Люси слышала, как Эдмунд сказал: «Нет, позволь мне. Ему будет куда обидней, если выиграю я, а если я буду побежден, для нас урона будет меньше».

— Хорошо, Эд, — отозвался Питер.

Когда они вышли на дневной свет, Эдмунд повернулся к гному и очень вежливо произнес: «Я хотел бы вас попросить. Детям не часто выпадает шанс встретить такого опытного воина, как вы. Не согласитесь ли вы немного пофехтовать со мной? Это будет очень любезно с вашей стороны».

— Парень, — сказал Трам, — мечи острые.

— Я знаю, но мне же никогда не подобраться к вам, а вы достаточно опытны, чтобы разоружить меня, не причинив вреда.

— Это опасная игра, но если ты хочешь, я попытаюсь разок-другой.

Тут же сверкнули оба меча, все остальные соскочили с помоста и стали поодаль. Это было стоящее дело, совсем не похожее на нелепый бой мечами на сцене (или даже бой на шпагах, который лучше удастся в театре). Это был настоящий бой на мечах. Вы стараетесь ударить противника по ногам, потому что это единственная незащищенная часть тела. А когда бьет противник, нужно подпрыгнуть так, чтобы удар пришелся под ногами. Это давало гному преимущество, потому что Эдмунд был выше и должен был наклоняться. У Эдмунда не было бы никаких шансов, бейся он с Трам двадцать четыре часа назад. Но с тех пор, как они попали на остров, он дышал воздухом Нарнии, и весь опыт старых битв вернулся к нему, и руки вспомнили прежние навыки. Теперь он был действительно король Эдмунд. Оба бойца кружились и кружились, удар следовал за ударом, и Сьюзен (которая так и не научилась любить эти забавы) воскликнула: «Будь внимательней!» И затем так быстро, что никто (кроме Питера, конечно) не понял, что произошло, Эдмунд особым приемом повернул свой меч и выбил меч из руки гнома, а Трам схватился за запястье.

— Надеюсь, я не причинил вам боли, мой дорогой маленький друг? — спросил Эдмунд, тяжело дыша, и пряча в ножны свой меч.

— Я вижу, — сухо произнес Трам, — что вы знаете неизвестный мне прием.

— Конечно, — вступил в разговор Питер, — этим приемом можно разоружить лучшего в мире бойца, если тот не знает его. Я думаю, было бы справедливо дать Трам шанс в чем-нибудь еще. Не хотите ли посостязаться в стрельбе с моей сестрой? Ведь в стрельбе не может быть никаких уловок.

— Да, вы шутники, — сказал гном. — Теперь я понимаю. Как будто я после сегодняшнего утра не знаю, как она умеет стрелять. Но я все же попытаюсь. — Он говорил сердито, но глаза его заблестели. (У него была слава отличного стрелка.) Все пятеро вышли на открытое пространство.

— Что будет целью? — спросил Питер.

— Я думаю, яблоко, которое висит над стеной вот на той ветке, — предложила Сьюзен.

— Отлично, девица. — сказал Трам, — ты имеешь в виду то желтое яблоко, которое висит в середине арки?

— Нет, что вы, — ответила Сьюзен, — то красное, что висит прямо над зубцом стены.

Гном переменился в лице. «Больше похоже на вишню, чем на яблоко», — пробормотал он,

но вслух не сказал ничего.

Они бросили жребий, кому стрелять первому (это очень заинтересовало Трама — он никогда раньше не видел, как бросают жребий с помощью монетки), и Сьюзен проиграла. Они договорились стрелять с верхней ступеньки лестницы, которая вела из зала во двор. Все смотрели, как он занял позицию, поднял лук и приготовился стрелять.

Зазвенела тетива. Это был отличный выстрел. Стрела прошла так близко, что крошечное яблоко закачалось, а какой-то листок порхнул вниз. Тогда Сьюзен подошла к верхней ступеньке и натянула лук. Она и вполтину не наслаждалась этим состязанием так, как Эдмунд предыдущим; она не сомневалась в исходе, но ей было жалко побеждать того, кто только что проиграл. Гном с волнением наблюдал, как она оттягивала тетиву до уха. Через мгновение раздался слабый удар, он был хорошо слышен в тишине этого места — яблоко, пробитое стрелой Сьюзен, упало на траву.

— Отлично, Сью, — закричали дети.

— Этот выстрел не лучше вашего, — сказала Сьюзен гному. — Я думаю, что когда стреляли вы, подул слабый ветерок.

— Это не так, — возразил Трам, — можешь не утешать меня. Я знаю, что побежден честно, и даже не буду ссылаться на то, что рубец от последней раны еще немного мешает мне, когда я отвожу руку назад.

— Вы были ранены? — спросила Люси. — Позвольте мне посмотреть.

— Это зрелище не для маленьких девочек... — начал Трам, но вдруг осекся.

— Я снова собирался сказать глупость. Если твой брат великий воин, а сестра — прекрасный лучник, то ты можешь оказаться искусным врачом. — Он сел на ступеньки, снял кольчугу, спустил рубашку, обнажив пропорционально сложенную волосатую и мускулистую как у моряка руку, размером не больше руки ребенка. На плече была грубая повязка. Люси размотала ее и под ней обнаружилась сильно вспухшая и неприятно выглядевшая рана. «Бедный Трам, — сказала Люси.

— Какой ужас!» Затем она заботливо капнула одну-единственную капельку из своего флакона.

— Эй, что ты делаешь? — закричал Трам. Но как он ни поворачивал голову, ни скашивал глаза и ни мотал бородой взад и вперед, разглядеть плечо он не смог. Потом он попытался ощупать его, и начал двигать рукой так, как будто пытался почесать место, до которого не дотянешься. Затем помахал рукой, поднял ее, напряг мышцы и наконец вскочил на ноги с криком: «Вереск и великаны! Не болит! Как новенькая!» Он разразился смехом и сказал; «Я вел себя как самый глупый из всех гномов. Я надеюсь, вы не обиделись? Смиренно кланяюсь вашим величествам — смиренно кланяюсь. Благодарю за спасение, исцеление, завтрак — и урок».

Дети хором отозвались, что не стоит даже и говорить об этом.

— А теперь, — сказал Питер, — если ты действительно решился поверить в нас...

— О, да, — воскликнул гном.

— Тогда совершенно ясно, что мы должны делать. Мы должны сейчас же присоединиться к королю Каспиану.

— Чем скорее, тем лучше. Моя глупость уже отняла у нас целый час.

— Если идти тем путем, которым шел ты, это займет два дня, во всяком случае у нас. Мы не можем идти день и ночь как вы, гномы, — Питер повернулся к остальным. — Очевидно, то, что Трам называет курганом Аслана, это сам Каменный Стол. Вы помните, что оттуда полдня (или немного меньше) пути до брода у Беруны...

— До моста у Беруны, — вставил Трам.

— Там не было моста в наше время, — объяснил Питер. — И от Беруны до Кэр-Паравела еще день с лишним. Если мы не торопились, то обычно возвращались к чаю на второй день. Если идти быстро, то, может быть, мы придем за полтора дня.

— Не забывайте, что все заросло лесом, — сказал Трам, — и придется прятаться от врагов.

— Послушайте, — вступил в разговор Эдмунд, — а зачем нам идти тем путем, каким шел наш Дорогой Маленький Друг?

— Если вы хорошо относитесь ко мне, не надо больше об этом, ваше величество, — попросил гном.

— Отлично, можно я буду говорить «наш Д.М.Д.»?

— Эдмунд, — сказала Сьюзен, — не дразни его.

— Не беспокойся, девица, — я хотел сказать, ваше величество, — усмехнулся Трам. — От

насмешки волдыря не будет. (С тех пор они часто называли его Д.М.Д., пока не забыли окончательно, что это значило).

— Как я говорил, — продолжал Эдмунд, — нам не обязательно идти тем же путем. Почему бы не проплыть на юг до Зеркального залива? Это сильно приблизит нас к Каменному Столу, а у моря мы будем в безопасности. Если мы отправимся сейчас же, то попадем в залив до темноты, поспим несколько часов, и ранним утром будем с Каспианом.

— Важно знать побережье, — сказал Трам, — никто из нас ничего не знает о Зеркальном заливе.

— А что мы будем есть? — спросила Сьюзен.

— Нужно взять с собой яблок, — предложила Люси. — И давайте что-нибудь делать. Мы тут уже два дня, а еще ничего не сделали.

— Почему бы снова не использовать мою шляпу, как корзину для рыбы? — добавил Эдмунд.

Они связали один из плащей как мешок и набили его яблоками. Затем хорошенько напились из колодца (ведь до того, как они пристанут к берегу, неоткуда будет взять пресную воду) и отправились к лодке. Детям жаль было оставлять Кэр-Паравел. Хоть он и был в развалинах, они все равно чувствовали себя там как дома.

— Д.М.Д. лучше сесть к рулю, — сказал Питер, — Эд и я возьмемся за весла. Подождите минутку. Лучше снять кольчуги — будет достаточно жарко. Девочки пусть сядут на нос и указывают Д.М.Д. направление. Пока мы не пройдем остров, держите курс в море.

Вскоре зеленый лесистый берег острова был уже далеко позади, очертания маленьких бухт и мысов сгладились, а лодка поднималась и опускалась на тихой ряби. Море окружало их, и вдали казалось голубым, а вокруг них зеленело и вспенивалось. Пахло солью, было очень тихо, раздавался только шум воды, бьющейся о борта лодки, да плеск весел и скрип уключин. Солнце грело все сильней.

Люси и Сьюзен сидели на носу лодки, пытались достать руками до воды, чувствовали себя превосходно и видели дно моря, устланное чистым бледным песком с редкими пятнами пурпурных водорослей.

— Как в старые времена, — проговорила Люси. — Ты помнишь наши путешествия в Тервинфию и Гальму, к Семи Островам и к Одиноким Островам?

— Конечно, помню. — ответила Сьюзен, — и наш корабль «Кристалл» с головой лебедя на носу и резными крыльями по бокам палубы.

— И шелковые паруса, и огромные фонари на корме.

— И пиры на полуострове, и музыкантов.

— А ты помнишь, как музыканты поднялись на мачту и играли на флейтах так, что казалось, будто музыка звучит прямо с неба?

Потом Сьюзен взяла у Эдмунда весло, а он сел рядом с Люси. Они уже прошли остров и держались ближе к берегу, все такому же лесистому и пустынному. Они старались не вспоминать то время, когда не было лесов, дул легкий ветерок, а вокруг были друзья.

— Уф, до чего же изнурительная работа, — сказал Питер.

— Можно я погребу немного? — спросила Люси.

— Весла слишком велики для тебя, — коротко ответил Питер (не потому, что злился, просто у него не хватало дыхания для разговоров).

9. ЧТО УВИДЕЛА ЛЮСИ

Сьюзен и мальчики устали грести еще задолго до того, как обогнули последний мыс и попали в Зеркальный залив. У Люси от солнца и блеска воды болела голова. Даже Трам мечтал о конце путешествия. Скамья, на которой он сидел у руля была предназначена для людей, а не для гномов, ноги его не доставали до днища лодки: всякий знает, как это неудобно. И чем больше они уставали, тем больше падали духом. Сначала дети думали только о том, как добраться до Каспиана. Потом стали размышлять о том, что будут делать, когда найдут его и удастся ли с помощью гномов и лесных жителей нанести поражение армии взрослых людей.

Начало темнеть, а они все еще медленно продвигались по изгибам Зеркального залива. Берега сближались, деревья нависали над их головами, сгущались сумерки. Стало очень тихо — все звуки моря умерли позади них. Было слышно даже журчание маленьких ручейков, впадающих в

залив.

Наконец, они пристали к берегу. Все слишком устали, чтобы разжигать костер и предпочли есть на ужин яблоки (они понимали, что не скоро захотят их снова), чем пытаться поохотиться. Молча пожевав яблоки, они зарылись в мох и опавшие листья между четырьмя огромными буками.

Все, кроме Люси, тут же заснули. Люси, уставшая куда меньше остальных, никак не могла устроиться поудобнее. К тому же она забыла, как храпят гномы. Она знала, что если не пытаться заснуть, то заснешь быстрее, поэтому открыла глаза. Сквозь просветы в ветвях были видны вода в заливе и небо над ней. Люси с радостью узнавала нарнийские звезды (она знала их лучше, чем звезды нашего мира — ведь нарнийская королева может ложиться спать позже, чем английская девочка). С того места, где она лежала, ей были видны три летних созвездия — Корабль, Молот и Леопард. «Старый дружище Леопард», — радостно пробормотала она.

Вместо того, чтобы задремать, она окончательно проснулась — это было странное, ночное, сонное бодрствование. Залив светился все ярче — вышла луна, но за деревьями ее не было видно. Люси почувствовала, что лес проснулся вместе с ней. Сама не зная почему, она быстро встала и отошла от лагеря.

— Как чудесно, — сказала она себе. Было прохладно и свежо, вокруг пахло чем-то удивительно приятным. Поблизости послышалась первая трель соловья, он начал петь, остановился, снова запел. Впереди было еще свежее. Она пошла и вышла туда, где деревья росли реже, повсюду были пятна и лужи лунного света, но свет и тень так смешались, что она ничего не могла разглядеть. В этот момент соловей, закончив, наконец, распеваться, разразился великолепной трелью.

Глаза Люси привыкли к свету, и она смогла разглядеть деревья рядом с собой. И страстная мечта о тех днях, когда деревья разговаривали, охватила ее. Она знала, как бы заговорили деревья, если бы она смогла их разбудить, и помнила, на каких людей они были похожи. Люси посмотрела на серебристую березу: у нее был мягкий льющийся голос, и она походила на стройную девушку, с развевающимися вокруг лица волосами. Она взглянула на дуб: это был высохший, но крепкий старик с курчавой бородой и бородавками на лице и руках (из них тоже росли волосы), но лучше всех было буковое дерево, под которым она стояла: это была грациозная богиня, спокойная и величественная, госпожа леса.

— Деревья, деревья, деревья, — начала Люси (хотя вовсе не собиралась говорить). — Проснитесь, деревья, проснитесь. Разве вы не помните? Разве вы не помните меня? Дриады и нимфы, придите, придите ко мне!

Хотя не было ни дуновения ветерка, они зашелестели, и шум листвы был похож на слова. Соловей перестал петь, как будто что-то услышал. Люси показалось, что она вот-вот поймет то, что пытаются сказать деревья. Но ничего не произошло. Шелест умер, соловей запел снова. Лес опять выглядел как обычно. Люси знала (так бывает, когда стараешься вспомнить имя, и почти вспоминаешь, но оно исчезает раньше, чем ты его произнесешь), что она в чем-то ошиблась: то ли заговорила с деревьями на секунду раньше, то ли на секунду позже; не сказала какого-то важного слова или что-то сказала неправильно.

Внезапно она почувствовала, что очень устала. Вернувшись назад в лагерь, она втиснулась между Сьюзен и Питером и тут же заснула.

Утро было холодным и безрадостным. В лесу царили серые сумерки (солнце еще не встало), тело ломило, все было грязное.

— Яблоки, хей-хо, — сказал Трам с печальной усмешкой. — Я должен заметить вам, древние короли и королевы, что вы не слишком хорошо кормите своих подданных!

Они встали, отряхнулись и огляделись кругом. За толстыми стволами деревьев ничего не было видно.

— Я надеюсь, ваши величества хорошо знают дорогу? — спросил гном.

— Я не знаю, — произнесла Сьюзен, — я никогда раньше не видела этих лесов. Теперь мне кажется, что мы должны были идти вдоль реки.

— Ты могла сказать это раньше, — ответил Питер со вполне понятной жесткостью.

— Не обращай на нее внимания, — сказал Эдмунд, — она всегда была занудой. У тебя есть карманный компас? Мы в отличной форме. Надо идти на северо-запад и пересечь маленькую речку — как бишь ее звали — Стремнинку.

— Я помню, — отозвался Питер, — она впадает в большую реку около брода у Беруны, или

моста у Беруны, как говорит Д.М.Д.

— Правильно. Пересечем речку, поднимемся на холм, и будем у Каменного Стола (я имею в виду курган Аслана) около восьми утра. Надеюсь, король Каспиан накормит нас завтраком!

— Хорошо, если ты прав, — вздохнула Сьюзен, — я не помню таких подробностей.

— Как тяжело с девчонками, — обратился Эдмунд к Питеру и гному, — они никогда не помнят карты.

— Зато мы помним еще что-нибудь, — сказала Люси. Сначала все шло неплохо. Им показалось даже, что они отыскивали старую тропу: в лесу всегда кажется, что ты нашел тропу. Но такие тропы исчезают через пять минут, и ты находишь следующую (надеясь, что это не новая, а та же самая тропа) и когда ты окончательно потеряешь направление, то поймешь, что это были вовсе и не тропы. Однако мальчики и гном привыкли к лесам и не слишком доверяли тропинкам.

Они брели уже полчаса (у троих еще немело тело от вчерашней гребли), когда Трам внезапно прошептал: «Стойте». Все остановились. «Кто-то идет за нами, — тихо сказал он, — или, вернее, рядом с нами, здесь, слева». Все замерли, вглядываясь и вслушиваясь, пока не заболели глаза и уши. «Давай натянем луки», — предложила Сьюзен Трamu. Гном кивнул, и оба лука были взяты на изготовку.

Они шли теперь по более редкому лесу, держась все время настороже, потом вошли в густой подлесок. Как только они миновали его, послышалось рычание, и кто-то с быстротой молнии выскочил из сломанных кустов, сбив Люси с ног. Падая, она услышала звон тетивы, а когда пришла в себя, увидела огромного страшного серого медведя, лежавшего мертвым со стрелой Трама в боку.

— В этом состязании Д.М.Д. побил тебя, Сью, — сказал Питер с вымученной улыбкой. Даже он слегка испугался.

— Я... я выстрелила слишком поздно, — ответила Сьюзен смущенно. — Я побоялась, что это один из наших медведей, говорящий медведь. (Она ненавидела убивать кого бы то ни было.)

— Ужасно, — заметил Трам, — большинство зверей стали немymi созданиями и врагами, но ведь и другие остались. И никогда нет уверенности, но медлить нельзя.

— Бедный старый мишка, — воскликнула Сьюзен, — ты думаешь, что он был говорящий?

— Ну нет, — отозвался гном. — Я видел его морду и слышал рычание. Просто он хотел на завтрак маленькую девочку. Кстати о завтраке: я не хотел бы лишать ваших величеств надежды на хороший завтрак у короля Каспиана, но запасы в лагере очень скудны. А медвежатина — отличная еда. Стыдно оставить всю тушу ничего не взяв. Это не займет много времени. Полагаю, что юноши — я хотел сказать — короли — знают, как освежевать медведя.

— Отойдем подальше, — сказала Сьюзен Люси. — Я знаю, что это страшно противное дело. — Люси кивнула с содроганием. Когда они уселись, Люси вдруг произнесла: «Мне пришла в голову ужасная мысль, Сью».

— Какая?

— Что будет, если когда-нибудь в нашем мире люди станут дикими, как звери, а выглядеть будут как люди, и невозможно будет разобрать, кто есть кто?

— У нас тут в Нарнии достаточно забот и без того, чтобы воображать такое, — ответила практичная Сьюзен.

Когда они вернулись к остальным, лучшие куски мяса, которые можно унести с собой, были уже срезаны. Не слишком приятно класть в карманы сырое мясо, но они завернули его в свежие листья. У них было достаточно опыта, чтобы понимать, как они отнесутся к этим мягким и противным сверткам, когда по-настоящему проголодаются.

Они тащились (остановившись у первого же ручья, чтобы вымыть сильно нуждавшиеся в этом руки), пока не взошло солнце и не запели птицы. В папоротниках зажужжало куда больше мух, чем хотелось бы. Руки от вчерашней гребли уже не болели. У всех поднялось настроение. Солнце пригрело, и они сняли шлемы.

— А мы правильно идем? — спросил Эдмунд часом позже.

— Важно только не слишком уклониться влево, — сказал Питер. — Если мы возьмем правее, то, в худшем случае, потеряем время, потому что очень быстро наткнемся на Великую реку и не срежем угол.

Они пошли дальше, и ничего не было слышно, кроме звука шагов и звяканья кольчуг.

— Где же эта проклятая Стремнинка? — после долгого молчания произнес Эдмунд.

— Мы скоро наткнемся на нее, я уверен, — ответил Питер, — ничего не остается, как идти вперед. — Оба понимали, что гном сердится на них, хоть он и молчал.

Они продолжали идти, и в кольчугах становилось все жарче и тяжелее.

— Что это? — внезапно воскликнул Питер.

Они не заметили, как вышли на край небольшого обрыва, откуда можно было заглянуть в овраг, где по дну текла речка. На другой стороне скалы были еще выше. Никто кроме Эдмунда (а может быть и Трама) не умел лазать по скалам.

— Прошу прощения, — сказал Питер, — это я виноват, что мы пришли сюда. Мы заблудились. Я никогда раньше не видел этого места.

Гном присвистнул сквозь зубы.

— Тогда идем назад и отыщем другой путь, — предложила Сьюзен. — Я с самого начала знала, что мы потеряемся в этих лесах.

— Сьюзен, — голос Люси звучал укоризненно, — не придирайся к Питеру. Это нечестно, он сделал все, что мог.

— А ты не огрызайся на Сью, — сказал Эдмунд. — Я думаю, она совершенно права.

— Чашки и черепахи! — воскликнул Трам. — Если мы уже заблудились, то сумеем ли найти дорогу назад? Возвращаться к острову и начинать все сначала — даже если это нам и удастся — не имеет смысла. Мираз наверняка покончит с Каспианом раньше, чем мы туда доберемся.

— Думаешь, надо идти вперед? — спросила Люси.

— Я не уверен, что Верховный Король действительно заблудился, — ответил Трам. — Что мешает этой реке быть той самой Стремнинкой?

— Но ведь Стремнинка не течет по оврагу — Питер с трудом сдерживал гнев.

— Ваше величество говорит «не течет», — возразил гном. — Но правильнее сказать — «не текла». Вы знали эту страну сотни, или даже тысячу лет назад. Разве она не могла измениться? С той стороны мог произойти обвал, остался голый камень, и образовался обрыв. Стремнинка год за годом углубляла русло, пока обрыв не появился и тут. Могло быть землетрясение или еще что-нибудь.

— Мне это не приходило в голову, — сказал Питер.

— К тому же, — продолжал Трам, — даже если это не Стремнинка, она течет прямо на север и конечно, впадает в Великую реку. Мне кажется, я заметил что-то вроде притока, когда шел вниз по реке. Так что если мы пойдем по течению, направо, то дойдем до Великой реки. Тут не так близко, как мы надеялись, но этот путь не хуже того, которым шел я.

— Трам, ты молодчага, — воскликнул Питер. — Пойдемте. Спустимся по этой стороне оврага.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Люси.

— Что? Где? — заволновались остальные.

— Лев, — показала Люси, — сам Аслан. Разве вы не видите? — Ее лицо преобразилось, глаза засияли.

— Ты имеешь в виду... — начал Питер.

— Где же, как тебе кажется, ты его видишь? — спросила Сьюзен.

— Ну, не говорите как взрослые, — Люси топнула ногой. — Мне ничего не кажется, я его вижу.

— Где, Лу? — спросил Питер.

— Между теми рябинами, на этой стороне оврага. Вверху, а не внизу, совсем не там, куда мы собирались идти. Он хочет, чтобы мы шли туда, где он — наверх.

— Откуда ты знаешь, чего он хочет? — спросил Эдмунд.

— Он... я... я просто знаю... по его лицу.

Все переглянулись в недоуменном молчании.

— Ее величество могло увидеть льва, — сказал Трам, — мне рассказывали, что в этих лесах водятся львы. Но, как и медведь, он вряд ли будет дружелюбным и говорящим,

— Не глупите, — воскликнула Люси, — вы что, думаете, я не узнаю Аслана?

— Он теперь, наверно, совсем старый, — начал Трам, — если вы знали его в прежние времена, и, может быть, он тоже стал диким и немым как многие другие.

Люси покраснела, и если бы Питер не положил руку ей на плечо, наверно, накинулась бы на Трама. «Д.М.Д. не понимает. Как он может понять? Ты просто должен поверить, Трам, что мы

действительно знаем Аслана, ну, немного знаем. И не говори так о нем. Это глупо и не сулит удачи. Только важно понять, Аслан ли это на самом деле», — объяснил Питер.

— Я знаю, что это он, — глаза Люси наполнились слезами.

— Конечно, Лу, но понимаешь, мы ведь его не видим, — сказал Питер.

— Тут поможет голосование, — предложил Эдмунд.

— Верно, — отозвался Питер, — ты старший, Д.М.Д., за что ты голосуешь? Вверх или вниз?

— Вниз, — решил гном. — Я ничего не знаю об Аслане. Но я знаю, что если мы повернем налево и пойдем вдоль оврага вверх, то пройдет весь день, пока найдется место, где его можно пересечь. Если же мы повернем направо и пойдем вниз, то дойдем до Великой реки через пару часов. И если тут водятся настоящие львы, лучше с ними не встречаться.

— Что ты скажешь. Сьюзен?

— Не сердись, Лу, — ответила Сьюзен, — но мне кажется, что нужно пойти вниз. Я смертельно устала. Нам надо выйти из этого гнусного леса как можно быстрее. И, кроме тебя, никто ничего не видел.

— Эдмунд? — спросил Питер.

— Все это так, — быстро проговорил Эдмунд и слегка покраснел. — Когда мы впервые попали в Нарнию год (или, быть может, тысячу лет) назад — первой ее обнаружила Люси, и никто ей не поверил. И я знаю, что я был хуже всех. Но она оказалась права. Вы не боитесь не поверить ей и на этот раз? Я голосую за то, чтобы идти вверх.

— О, Эд! — воскликнула Люси и схватила его за руку.

— Теперь твоя очередь, Питер, — сказала Сьюзен, — и я надеюсь...

— Замолчи и дай человеку подумать, — прервал ее Питер. — Ведь решение теперь зависит от меня.

— Ты — Верховный Король, — сурово отозвался Трам.

— Вниз, — скомандовал Питер после долгой паузы. — Я знаю, что Люси может оказаться права, но ничем не могу помочь. Мы должны на что-то решиться.

И они двинулись по краю оврага направо, вниз по течению. Люси шла самая последняя и горько плакала.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЬВА

Держаться края оврага не так легко, как кажется. Пройдя немного, они наткнулись на молодой еловый лесок, росший на самом краю. Они попытались пройти напрямик, но это не удалось — так как невозможно было идти быстро. Повернув назад, они выбрались из леса и пошли в обход, но взяли слишком вправо, потеряли из виду скалы, перестали слышать шум реки и испугались, что снова заблудились. Никто не знал который час, но жара была ужасная.

Когда они снова вышли к краю оврага (милей ниже по течению реки), то увидели, что скалы на берегу уже не такие высокие. Скоро они отыскиали спуск в овраг и пошли по берегу речки. Но прежде все отдохнули и напились воды. Никто уже не заговаривал о завтраке или даже обеде у Каспиана.

Они были правы, спустившись к реке, вместо того, чтобы идти поверху. Теперь они были уверены, что идут в нужном направлении, и не боялись больше заблудиться в лесу. Лес был старый, без всяких тропинок и по нему трудно было идти напрямик, мешали заросли ежевики, упавшие деревья, болотистые места и частый подлесок. Овраг, где текла Стремнинка, тоже был не особенно приятен. Тем более людям, которые торопятся. Если бы впереди их ждал пикник с чаем, тогда другое дело. В овраге было все: грохочущие водопады, серебристые каскады, глубокие, цвета янтаря озерца, замшелые камни, мох на берегу, в который так приятно погрузиться по щиколотку, разные папоротники, похожие на драгоценные камни стрекозы; а иногда над головой пролетал ястреб и даже (как думали Питер и Трам) один раз орел. Но детям и гному хотелось поскорее увидеть Великую реку, Беруну, и дорогу к кургану Аслана.

Так они шли, и тропа становилась все круче и круче. Их путешествие превращалось в альпинистский поход. Они преодолевали опасные места со скользкими камнями и противными лужами в расселинах, а внизу сердито ревела река.

Можете быть уверены, они жадно всматривались в скалы на другом берегу, ища расселину или место, где можно было бы подняться. Но скалы оставались неприступными. Это сводило с

ума: все понимали, что на той стороне оврага их ждет короткая и легкая прогулка к штаб-квартире Каспиана.

Мальчики и гном мечтали теперь только о костре и жареной медвежатине. Сьюзен не нравился такой план, ей хотелось «хоть куда-нибудь продвинуться и выйти наконец из этого ужасного леса». Люси была слишком усталой и расстроенной, чтобы участвовать в споре. Но что бы они ни говорили, а сухих дров вокруг не было. Мальчики засомневались, так ли уж противно есть сырое мясо. Трам заверил их, что ужасно противно.

Конечно, попытайся дети совершить такое путешествие несколько дней назад, в Англии, они бы давно выбились из сил. Кажется, я уже объяснял раньше, как они изменились в Нарнии. Даже Люси была теперь, так сказать, всего на треть маленькой девочкой, первый раз ехавшей в интернат, а на две трети — нарнийской королевой.

— Наконец-то! — сказала Сьюзен.

— Урра! — воскликнул Питер.

Река сделала поворот, и перед ними развернулась широкая панорама. Они увидели открытую равнину, тянущуюся до самого горизонта, по ней вилась серебристая лента Великой реки. Они видели то широкое и мелкое место на ней, которое раньше было бродом у Беруны, теперь же ее берега соединял длинный арочный мост. У дальнего конца моста был маленький городок.

— Ей-Богу, — сказал Эдмунд, — мы сражались в битве при Беруне именно там, где сейчас город!

Это сильно приободрило мальчиков. Они почувствовали себя лучше, глядя на то место, где сотни лет тому назад выиграли великую битву, а вместе с ней и королевство. Питер и Эдмунд так увлеклись воспоминаниями, что забыли об усталых ногах и кольчугах, давивших на плечи. Гному тоже было интересно.

Теперь они смогли ускорить шаг. Идти становилось легче. Слева еще были отвесные скалы, справа склон становился все более пологим. Скоро овраг перешел в долину. Водопадов больше не было, и внезапно они снова очутились в густом лесу.

Неожиданно послышался звук — вззз — а потом как будто дятел ударил клювом по стволу. Дети еще припоминали, когда (давным-давно) они слышали этот звук и почему он им так не нравится, а Трам уже кричал: «Ложитесь!» и тут же заставил Люси, оказавшуюся рядом с ним, упасть в папоротники. Питер подумал, что это белка, но заметив длинную крепкую стрелу, вонзившуюся в дерево прямо над его головой, все понял. Он потянул Сьюзен вниз и упал сам, и тут другая стрела с резким звуком пролетела над его плечом и воткнулась в землю,

— Быстрее! Быстрее! Назад! Ползите! — выпалил Трам. Они повернулись и поползли наверх по склону сквозь папоротники и тучи жужжащих мух. Стрелы пронзительно свистели вокруг них. Одна ударилась о шлем Сьюзен и отскочила. Они поползли еще быстрее, с них капал пот; согнувшись, они побежали. Мальчики держали в руках мечи, хотя и боялись споткнуться о них. Обидно было подниматься на холм, возвращаться туда, откуда только что пришли. Они уже не могли больше бежать, даже ради спасения своей жизни. Задышавшись, они упали у водопада в сырой мох за большим валуном, и удивились, поняв, как высоко забрались. Погони слышно не было.

— Теперь все в порядке, — Трам сделал глубокий вдох. — Они не стали обыскивать лес. Я думаю, это только часовые. Значит, внизу аванпост Мираза. Булки и бутылки, однако же и тяжело нам пришлось.

— Я должно быть совсем потерял голову, когда повел вас этим путем, — сказал Питер.

— Что вы, ваше величество, — возразил гном, — ведь это ваш царственный брат, король Эдмунд, предложил плыть через Зеркальный залив.

— Боюсь, что Д.М.Д. прав, — согласился Эдмунд, искренне забывший об этом.

— С другой стороны, — продолжал Трам, — если бы мы пошли, как шел я, то наткнулись бы на такой же аванпост, с теми же последствиями. Путешествие через Зеркальный залив было наилучшим вариантом.

— Экий замаскированный комплимент, — сказала Сьюзен.

— Хорошо замаскированный! — воскликнул Эдмунд.

— Я уверена, что теперь мы должны идти вверх по оврагу, — вступила в разговор Люси.

— Ты герой, Лу, — отозвался Питер. — Ведь ты могла сказать: «Я же говорила». Пойдемте.

— Как только мы углубимся в лес, — заявил Трам, — говорите, что хотите, а я зажгу костер и приготовлю ужин. Только отойдем подальше отсюда.

Нет нужды описывать, как они тащились назад по оврагу. Было тяжело, но, как ни странно, все повеселели. Пришло второе дыхание, слово «ужин» произвело чудодейственный эффект.

Они еще засветло добрались до елового леса, причинившего им столько неприятностей. Собирать хворост было очень утомительно, и все обрадовались, когда вспыхнул костер и появились сырые и грязные свертки с медвежьим мясом, показавшиеся бы отвратительными любому, кто провел день в четырех стенах. Гном придумал великолепное кушанье. Каждое яблоко (их осталось несколько штук) обернули полоской мяса — как яблоки, запеченные в тесте, только вместо теста было мясо — насадили на острую палочку и поджарили. Сок пропитал мясо и напоминал яблочный соус, который подают к жареной свинине. Медведи, питающиеся другими зверями, не слишком вкусны, в отличие от тех, кто ест мед и фрукты. Яблоки придали мясу такой вкус, что получилась роскошная еда. И не надо было мыть посуду — можно было сразу лечь на спину и наблюдать за дымком из трубки Трама, вытянуть усталые ноги и поболтать.

Они уже снова надеялись, что завтра найдут короля Каспиана, а через несколько дней разобьют Мираза. Положение их не изменилось, но все повеселели и один за другим быстро провалились в сон.

Люси очнулась от самого глубочайшего сна, который только можно себе вообразить, с чувством, что голос, который она любила больше всего на свете, позвал ее. Сначала она подумала, что это ее отец, потом — что Питер. Ей не хотелось вставать. Не потому, что она чувствовала себя слишком усталой — напротив, она чудесно отдохнула, и тело больше не болело — просто она была счастлива, и ей было очень уютно. Она смотрела на нарнийскую луну (которая больше нашей), на звездное небо; там, где они разбили лагерь, деревьев было немного.

— Люси, — снова позвал голос (не отца и не Питера). Она села, трепеща от волнения, но без страха. Луна светила так ярко, что лес был виден как днем, но выглядел более диким. Позади был ельник, направо — зубчатые вершины скал на дальней стороне оврага, прямо впереди — полянка, за ней на расстоянии полета стрелы росли деревья. Люси пристально посмотрела на них.

— Мне кажется, что они движутся, — сказала она себе, — и о чем-то разговаривают.

Сердце ее забило, она встала и пошла к ним. На поляне отчетливо слышался шум, какой деревья издают при сильном ветре, но ветра не было. Все же это был не обычный шум листвы. Люси чувствовала в нем какую-то мелодию, но не могла ухватить мотив, как не могла уловить слов, которые говорили деревья прошлой ночью. Это была ритмичная веселая мелодия, и, подойдя ближе, она почувствовала, что ноги ее уже танцуют. Теперь не было сомнения в том, что деревья двигались — туда и обратно, одно к другому, как в сложном деревенском танце. («Я уверена, — подумала Люси, — что танец деревьев действительно должен быть очень деревенским танцем».) Тут она оказалась среди них.

Она увидела дерево, показавшееся ей сначала не деревом, а высоким человеком с косматой бородой и зарослями волос. Люси не испугалась: такое она видела и раньше. Но когда она опять взглянула на него, он уже снова казался деревом, хотя и двигался. Вы не смогли бы, конечно, разобрать ноги у него, или корни, потому что, когда деревья движутся, они перемещаются не по поверхности земли, они пробираются в земле, как мы по воде, когда идем вброд. С каждым деревом, на которое она бросала взгляд, случалось то же самое. Сперва они выглядели как дружелюбные, славные великаны и великанши — таким лесной народ становится, когда добрая магия призывает его к полной жизни — потом снова становились деревьями. Когда они казались деревьями — это были странно очеловеченные деревья, а когда выглядели людьми — это были ветвистые, покрытые листвой люди. И все время продолжался странный, ритмичный, шелестящий, прохладный, веселый шум

— Они без сомнения почти проснулись, — сказала Люси. Она-то совсем проснулась, даже больше, чем проснулась. Как будто в ней самой пробудилось что-то новое.

Люси бесстрашно шла между ними, танцевала, прыгала, перебежала от одного гигантского партнера к другому. Но танец не захватил ее полностью. Она стремилась к чему-то другому, к тому голосу, что звал ее.

Скоро она оставила деревья позади (так и не поняв до конца, ветвей или рук касалась она в хороводе огромных танцоров, склонявшихся к ней), вышла из переплетения света и тени и увидела гладкую, как бы подстриженную поляну — вокруг нее-то и танцевали деревья. А там — о радость! Перед ней был огромный Лев, сверкающий в лунном свете, с громадной черной тенью позади.

Он мог бы показаться каменным, если бы не движения его хвоста, но Люси это не пришло в голову. Она бросилась к нему, даже не задумавшись о том, был ли он настроен дружелюбно. Она чувствовала, что сердце ее разорвется, если она потеряет хотя бы мгновение. И вот Люси уже целовала его, обвив руками шею и зарывшись лицом в чудную, густую, шелковистую гриву.

— Аслан, Аслан, дорогой Аслан, — рыдала она. — Наконец-то. Огромный зверь перекатился на бок так, — чтобы Люси поместилась полусидя-полулежа между его передними лапами. Он нагнулся и языком коснулся ее носа. Теплое дыхание обволокло ее. Она вглядывалась в его огромное мудрое лицо.

— Добро пожаловать, дитя, — произнес он.

— Аслан, — сказала Люси, — ты стал больше.

— Это потому, что ты стала старше, малышка, — ответил он.

— А не ты?

— Я — нет. Вырастая, ты будешь замечать, что и я становлюсь больше.

Она была так счастлива, что ей не хотелось даже разговаривать. Но Аслан заговорил.

— Люси, — сказал он, — мы не должны долго лежать здесь. У тебя есть дело, и уже потеряно много времени.

— Разве это не позор, — воскликнула Люси, — я действительно видела тебя. Они не поверили мне. Они все...

Откуда-то из глубины Аслана возник слабый намек на рычание.

— Прости меня, — спохватилась Люси, поняв, что он имел в виду, — я не хотела ругать других. Но ведь это не моя вина? Лев поглядел ей прямо в глаза.

— Аслан, — сказала она, — ты думаешь, что я виновата? Как я могла... я не могла оставить всех и подниматься к тебе одна. Как я могла? Не смотри на меня так... да, я знаю, что могла. С тобой я не была бы одна. Как я должна была поступить? Аслан ничего не сказал.

— Ты имеешь в виду, — продолжала Люси беспомощно, — что все бы исправилось — как-то? Но как? Пожалуйста, Аслан. Разве я должна была знать?

— Знать, что должно случиться, дитя? — сказал Аслан. — Нет. Этого никто никогда не говорил. Люси всхлипнула.

— Каждый может узнать, что случится, — продолжал он. — Если ты сейчас пойдешь назад к остальным и разбудишь их, и скажешь, что видела меня снова и все они должны встать и следовать за мной — что случится? И это единственная возможность узнать.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала? — вздохнула Люси.

— Да, малышка.

— А другие тоже увидят тебя? — спросила Люси.

— Не сразу, конечно, может быть, позднее.

— Они не поверят мне! — воскликнула Люси.

— Это не имеет значения.

— Аслан, я так благодарна, что нашла тебя снова. Я думала, ты позволишь мне остаться. Я думала, ты зарычишь и прогонишь всех врагов — как в прошлый раз. А теперь все так ужасно.

— Тебе это трудно, малышка, но ничто не повторяется дважды. Нам и раньше бывало трудно в Нарнии.

Люси зарылась лицом в гриву Аслана, чтобы скрыться от его взгляда. Должно быть, в его гриве тоже была магия. Она почувствовала в себе львиную силу. Внезапно она села.

— Прости, Аслан, — произнесла она, — я готова.

— Теперь ты львица, — сказал Аслан. — И теперь возродится вся Нарния. Иди. Нельзя терять время.

Он поднялся и пошел величественно и бесшумно к танцующим деревьям, сквозь которые она прошла; и Люси пошла с ним, положив дрожащую руку на его гриву. Деревья пропустили их и на секунду полностью приняли человеческий вид. Перед Люси промелькнули прекрасные боги и богини, склоняющиеся перед Львом; через мгновение они снова стали деревьями, еще склоняясь, и так грациозно изгибая ветви и ствол, что их поклоны снова походили на танец.

— Теперь, дитя, — обратился к ней Аслан, когда они оставили деревья позади, — я буду ждать здесь. Пойди и разбуди остальных и скажи им, чтобы они следовали за тобой. Если они не пойдут, ты должна следовать за мной одна.

Ужасно будить четверых людей, которые старше тебя и очень устали, чтобы сказать им то,

чему они, возможно, не поверят, и заставить их сделать то, что они наверняка не захотят. «Я не должна раздумывать, я просто должна делать», — сказала себе Люси.

Сначала она подошла к Питеру и потрясла его. «Питер, — прошептала она ему на ухо, — проснись. Быстрее. Аслан здесь. Он сказал, чтобы мы сейчас же следовали за ним».

— Конечно, Лу. Куда ты захочешь, — сказал Питер неожиданно. Она обрадовалась, но Питер немедленно перевернулся на другой бок и снова заснул.

Затем она попыталась разбудить Сьюзен. Сьюзен действительно проснулась, но только для того, чтобы сказать самым раздраженным взрослым голосом: «Тебе это приснилось, Люси. Ложись спать».

Тогда она взялась за Эдмунда. Его было ужасно трудно разбудить, и когда это ей наконец удалось, он в самом деле проснулся и сел.

— Что, — спросил он сердито, — о чем ты говоришь? Она повторила все снова. Это было очень трудно, потому что с каждым разом слова звучали все менее убедительно.

— Аслан! — подпрыгнул Эдмунд, — Ура! Где?

Люси повернулась туда, где видела ждущего льва, чьи терпеливые глаза пристально глядели на нее. «Здесь», — показала она.

— Где? — снова повторил Эдмунд.

— Вот. Вот. Разве ты не видишь? Прямо перед деревьями. Эдмунд некоторое время упорно смотрел, а потом сказал:

«Там ничего нет. Тебя ослепил и спутал лунный свет. Знаешь, так бывает. И мне показалось на минуту, что я что-то вижу. Это оптический, ну как это называется?..»

— Я вижу его все время, — сказала Люси. — Он сердито смотрит на нас.

— Тогда почему я не могу его увидеть?

— Он сказал, что, может быть, вы не сможете.

— Почему?

— Не знаю. Он так сказал.

— Ну что это такое, — вздохнул Эдмунд, — мне бы хотелось, чтобы все это перестало тебе казаться. Но я уверен, что надо разбудить остальных.

11. ЛЕВ РЫЧИТ

Когда вся компания была наконец разбужена, Люси рассказала свою историю в четвертый раз. Последовало глухое обескураживающее молчание.

— Я ничего не вижу, — сказал Питер, вглядываясь до боли в глазах. — А ты, Сьюзен?

— Нет, конечно, — огрызнулась Сьюзен, — потому что там нечего видеть. Ей все это приснилось. Ложись и спи, Люси.

— Я все же надеюсь, — сказала Люси дрожащим голосом, — что вы пойдете со мной. Потому что... потому что я все равно должна идти с ним.

— Не говори чепухи, — ответила Сьюзен, — конечно, ты никуда не пойдешь одна. Не позволяй ей, Питер. Она стала совершенно непослушной.

— Я пойду с ней, если она должна идти, — сказал Эдмунд, — Раньше ведь она была права.

— Я знаю, что это так, — согласился Питер, — и возможно она была права сегодня утром. Мы явно неудачно выбрали путь. Но посреди ночи... И почему мы не видим Аслана? Так никогда не было. Это не похоже на него. А что скажет Д.М.Д.?

— Я ничего не скажу, — ответил гном, — если вы все пойдете, то я, конечно, пойду с вами; если ваша компания расколется, я пойду с Верховным Королем. Это мой долг перед ним и перед королем Каспианом. Но если вы спросите мое частное мнение, я — обыкновенный гном, который не думает, что легче найти дорогу ночью там, где ее не нашли днем. Я не вижу пользы в волшебных львах, которые умеют говорить, но не говорят, в дружелюбных львах, которые не делают ничего хорошего, в огромных львах, которых никто не видит. Насколько я могу судить, это все чепуха и пустяки.

— Он бьет лапой по земле, призывая нас поторопиться, — сказала Люси. — Мы должны идти сейчас же. По крайней мере я.

— Ты не права, пытаясь бороться с нами таким образом. Нас четверо к одному, и ты самая младшая, — возразила Сьюзен.

— Пойдемте же, — рявкнул Эдмунд. — Мы должны идти. Мира не будет, пока мы не пойдем. — Он был полностью согласен с Люси, но раздражен тем, что его разбудили, и поэтому говорил очень сердито.

— Тогда в поход, — скомандовал Питер, устало просовывая руку под ремень щита и надевая шлем. В другое время он обязательно сказал бы что-нибудь приятное Люси, своей любимой сестре, ведь он знал, как тоскливо ей сейчас, и понимал, что ее вины в происходящем нет. Но совсем избавиться от досады он не мог.

Сьюзен была хуже всех: «Предположим, я буду вести себя как Люси, — и начну угрожать, что все равно останусь здесь? А я непременно так сделаю».

— Подчинитесь Верховному Королю, ваше величество, — сказал Трам, — и пойдемте. Если нет возможности спать, то лучше уж идти, чем стоять тут и препираться.

Наконец они двинулись. Люси шла первая, сжимая губы, чтобы не сказать то, что она думала о словах Сьюзен. Но, взглянув на Аслана, она забыла обо всем. Он повернулся и пошел медленным шагом ярдах в тридцати впереди них. Остальные могли идти только вслед за Люси, потому что не видели Аслана и не слышали его шагов. Его большие, похожие на кошачьи, лапы бесшумно ступали по траве.

Они пошли правее танцующих деревьев (но никто не узнал, танцевали ли они, потому что Люси смотрела только на Льва, а остальные — на Люси) и ближе к краю оврага. «Булки и булыжники, — подумал Трам, — я надеюсь, что сумасшествие не кончится сломанными шеями на склоне, залитом лунным светом».

Долгое время Аслан шел у самого обрыва. Потом подошел туда, где прямо на краю росло несколько маленьких деревьев, повернул и оказался среди них. Люси затаила дыхание: казалось, лев нырнул со скалы, но она слишком боялась упустить его из виду, чтобы остановиться и подумать. Она ускорила шаги и сама очутилась среди деревьев. Посмотрев вниз, она заметила крутую узкую тропинку, которая косо шла между камнями, и Аслана, спускавшегося по ней. Он повернулся и весело взглянул на нее. Она захлопала в ладоши и начала сползать вниз. Позади она слышала голоса остальных: «Эй! Люси! Осторожней, ради Бога. Ты прямо на краю оврага. Вернись...», и через мгновение голос Эдмунда: «Нет, она идет правильно. Здесь есть спуск вниз».

На середине тропы Эдмунд догнал ее.

— Смотри! — сказал он в страшном возбуждении. — Смотри! Что за тень медленно движется перед нами?

— Это его тень, — ответила Люси.

— Теперь я верю, что ты права, Лу. Я не понимаю, как я не видел ее раньше. Но где он?

— Со своей тенью, конечно. Видишь его?

— Сейчас показалось, что вижу. Здесь такой странный свет.

— Подождите, король Эдмунд, подождите, — раздался над ними голос Трама, и затем издаleка голос Питера: «Встряхнись, Сьюзен. Дай мне руку. Здесь может спуститься даже ребенок. И перестань ворчать».

Через несколько минут они были внизу, и рев воды наполнил уши. Ступая мягко, как кошка, Аслан шел через поток, перешагивал с камня на камень. Посредине он остановился, и нагнулся, чтобы попить, а потом, подняв голову с намокшей от воды гривой, снова повернулся лицом к ним. И тут Эдмунд увидел его. «О, Аслан!» — крикнул он, бросаясь вперед. Но Лев отвернулся и начал подниматься по склону другого берега Стремнинки.

— Питер! Питер! — воскликнул Эдмунд. — Ты видел?

— Что-то я видел, — сказал Питер, — но в лунном свете так трудно разобрать. Все-таки мы идем, и трижды ура Люси. Я теперь и вполтину не чувствую усталости.

Аслан без колебаний вел их налево, вверх по оврагу. Путешествие было странным, похожим на сон — ревущий поток, мокрая серая трава, тусклые скалы, к которым они приближались, и величественная, молчаливая поступь Зверя, идущего во главе. Все, кроме Сьюзен и гнома, уже увидели его.

Внезапно они подошли к другой крутой тропинке, ведущей вверх по обрыву. Она была куда длиннее, чем та, по которой они спустились, и путь наверх шел долгим и утомительным зигзагом. К счастью, луна стояла над оврагом и освещала его.

Люси совсем запыхалась, но когда хвост и задние лапы Аслана скрылись за верхним краем оврага, она последним усилием устремилась за ним, хотя ноги у нее заплетались и дыхание пере-

хватывало, и увидела холм, к которому они стремились с тех пор, как покинули Зеркальный залив. Длинный пологий склон (вереск, трава и несколько больших камней, казавшихся белыми в лунном свете) исчезал за кромкой тускло поблескивающих деревьев в полумиле от них. Она узнала это место. Это был холм Каменного Стола.

Позвякивая кольчугами, позади карабкались остальные. Аслан скользил впереди, и они шли за ним.

— Люси, — сказала Сьюзен очень тихо.

— Да? — обернулась Люси.

— Теперь я вижу его. Прости меня.

— Все в порядке.

— Я куда хуже, чем ты думаешь. На самом деле я верила, что это был он — вчера. Когда он предупреждал нас, чтобы мы не шли в еловый лес. Я на самом деле верила, что это был он — ночью, когда ты разбудила нас. Понимаешь, глубоко внутри. Или могла бы поверить, если бы захотела. Но я так хотела выйти из этого леса и... и... о, я не знаю. И что я теперь скажу ему?

— Может быть не нужно говорить много, — посоветовала Люси.

Скоро дети достигли деревьев и сквозь них увидели Великий Холм, курган Аслана, который поднялся над Столом с тех пор, как они были здесь.

— Наши позиции плохо охраняются, — пробормотал Трам. — Нужно исправить это перед тем, как...

— Тише! — сказали все четверо, потому что Аслан остановился и повернулся лицом к ним, и выглядел он так величественно, что их охватила радость (но радость, смешанная со страхом) и страх (но страх, смешанный с радостью). Мальчики шагнули вперед, Люси пошла за ними, Сьюзен и гном отступили назад.

— О, Аслан, — Питер упал на одно колено и поднял тяжелую лапу Льва к своим губам, — я так рад. Я прошу прощения. Я вел их неправильно с самого начала, а особенно вчера утром.

— Дорогой мой сын, — ответил ему Аслан.

Затем он обернулся и приветствовал Эдмунда. «Отлично», — похвалил он его.

Потом после ужасающей паузы, глубокий голос произнес:

«Сьюзен». Сьюзен не ответила, но всем показалось, что она плачет. «Ты была послушна страху, дитя, — сказал Аслан. — Подойди, дай я дохну на тебя. Забудь страх. Ты снова храбрая».

— Чуть-чуть, Аслан, — пробормотала Сьюзен.

— А теперь, — произнес Аслан куда громче; в голосе его слышался намек на рычание, хвост бил по бокам, — где же этот маленький гном, этот известный боец на мечях и лучник, который не верит во львов? Подойди сюда, сын земли, подойди СЮДА! — последнее слово было уже настоящим рычанием.

— Привидения и приключения! — прошептал Трам чуть слышно. Дети, знавшие Аслана настолько, чтобы понять, что гном ему очень нравится, не испугались. Другое дело Трам, который никогда раньше не видел львов, не говоря уже о таком Льве. Но поступил он разумно: вместо того, чтобы удрать, неверной походкой направился к Аслану.

И Аслан внезапно схватил его. Вы когда-нибудь видели маленького котенка, которого мать несет в пасти? Вот на что это было похоже. Гном, свернувшийся жалким клубочком, свисал из рта Аслана. Лев слегка тряхнул его, и все его вооружение попадало, как кастрюли лудильщика, а затем — раз-раз — гном взлетел в воздух. Он был в безопасности, как в своей постели, но не знал этого. Когда он летел вниз, огромные бархатистые лапы поймали его так же нежно, как материнские руки и поставили (так же осторожно) на траву.

— Сын земли, мы будем друзьями? — спросил Аслан.

— Д-д-да, — пропыхтел не вполне отдышавшийся гном.

— Теперь, — сказал Аслан, — луна заходит. Посмотрите назад: там начинается заря. У нас слишком мало времени, и мы не можем его терять. Вы трое — сыновья Адама и сын земли, поспешите внутрь Холма и разберитесь с тем, что найдете там.

Гном еще не отдышался, а мальчики не осмелились спросить, пойдет ли с ними Аслан. Все трое отсалютовали обнаженными мечами, повернулись и, позвякивая кольчугами, скрылись в сумерках. Люси заметила, что на их лицах не осталось и следов усталости; Верховный Король и король Эдмунд больше походили на мужчин, чем на мальчиков.

Девочки ждали их снаружи, стоя позади Аслана. Освещение изменилось. Низко на востоке

Аравир, утренняя звезда Нарнии, мерцала как маленькая луна. Аслан, казавшийся еще больше, поднял голову, потряхнул гривой и зарычал.

Звук, глубокий и волнующий, начавшись на низкой ноте как в органе, стал выше и громче, и еще громче, до тех пор пока не сотряс землю и воздух и не пронесся по всей Нарнии. Внизу, в лагере Мираза, проснулись люди. Побледнев, они уставились друг на друга и схватились за оружие. Еще ниже, у Великой реки в этот самый холодный предутренний час поднялись из воды головы и плечи нимф и огромная бородатая голова речного бога. Вокруг, в полях и лесах, из норок показались настороженные уши кроликов, птицы высунули из-под крыльев свои сонные головы, совы заухали, лисицы затаивались, ежи заворчали, деревья зашелестели. В городах и деревеньках матери, глядя испуганными глазами, сильнее прижали детей к груди, собаки заскулили, мужчины вскочили, на ощупь зажигая свет. Далеко на северной границе горные великаны выглянули из ворот своих замков.

Люси и Сьюзен увидели, что к ним со всех окрестных холмов спускается что-то темное. Сначала это было похоже на темный туман, стелящийся по земле, затем на штормовые волны по черневшему морю (приближаясь, они становились все выше и выше), и, наконец, стало понятно, что это леса пришли в движение. Все деревья мира, казалось, устремились к Аслану. Приближаясь, они переставали быть деревьями, и вскоре толпа их, кланяясь, делая реверансы и протягивая к Аслану длинные тонкие руки, оказалась вокруг Люси. Она увидела, что все они приобрели человеческие очертания. Бледные девушки-березки вскидывали головы, женщины-ивы откидывали назад волосы, чтобы взглянуть на Аслана, царственные буки спокойно стояли, склонившись перед ним, косматые дубы, тонкие и меланхоличные вязы, кудрявые остролисты (сами темно-зеленые, а их жены — украшенные яркими ягодами) и пестрые рябины кланялись и снова поднимались, восклицая:

«Аслан! Аслан!» — хриплыми скрипучими голосами, похожими на шум волн.

Толпа и хоровод вокруг Аслана (теперь это все больше и больше походило на танец) росли так быстро, что Люси пришла в замешательство. Она не понимала, откуда взялись другие люди, которые начали дурачиться и прыгать среди деревьев. Один был юный, одетый только в оленью шкуру, с венком из виноградных листьев на вьющихся волосах. Лицо его было бы слишком хорошим для юноши, если бы не выглядело таким диким. Вы сказали бы то же, что и Эдмунд несколькими днями позже: «Это парень, который может сделать все — абсолютно все». Он известен под многими именами — Бромий, Бассарей, Овен — только три из них. С ним было множество девушек, таких же диких. И был даже кто-то на осле. И все смеялись, и все восклицали: «Эван, эван, эвоэ-э-э-э».

— Это Игра, Аслан? — закричал молодой. Да, это было похоже на игру. Но почти все не просто играли. Это могли быть салки, но Люси не понимала, кто водит. Это напоминало жмурки, но каждый вел себя так, будто у него были завязаны глаза. Чем-то это походило на прятки, но спрятавшегося не искали. Еще больше усложняло дело то, что человек на осле, старый и ужасно толстый, начинал внезапно кричать: «Подкрепимся! Время подкрепиться», — и падал с осли, а другие водворяли его обратно, в то время как осел считал, что это цирк, и пытался дать представление, ходя на задних ногах. И везде появлялось все больше и больше виноградных листьев, а потом и виноградных лоз. Они обвиняли все, поднимались по ногам людей-деревьев и закручивались вокруг их шей. Люси подняла руку, чтобы откинуть назад волосы и обнаружила, что откидывает виноградную ветвь. Осел был весь покрыт ими. Его хвост совершенно запутался в них, и что-то темное качалось у него между ушей. Люси взглянула снова и увидела, что это виноградные грозди. Везде был виноград: над головой, под ногами, вокруг.

— Освежимся! Освежимся! — взревел старик. Все начали есть, и в каких бы вы ни побывали теплицах, вы нигде не найдете такого винограда. Девочки никогда раньше не ели вволю по-настоящему хорошего винограда, крепкого и тугого снаружи, разрывающегося во рту прохладной свежестью. Здесь его было более чем достаточно, и вовсе не надо было соблюдать правил поведения за столом. Везде были липкие и испачканные пальцы, и хотя все рты были полны, не прекращался ни смех, ни крики фальцетом «Эван, эван, эвоэ-э-э-э» до тех пор, пока все в один и тот же миг не почувствовали, что Игра (если это была игра) и пир должны закончиться, и, задыхаясь, плюхнулись на землю и повернули лица к Аслану, чтобы слушать его.

В этот момент взошло солнце, а Люси вспомнила что-то и шепнула Сьюзен:

— Сью, я знаю, кто они.

— Кто?

— Юноша с диким лицом — Вакх, а старик на осле — Силен. Помнишь, как давным-давно мистер Тамнус рассказывал нам о них?

— Да, конечно. Но я скажу тебе, Лу...

— Что, Сьюзен?

— Я бы не чувствовала себя спокойно с Вакхом и его дикими девушками, если бы мы встретились с ними без Аслана.

— И я тоже, — согласилась Люси.

12. КОЛДОВСТВО И ВНЕЗАПНАЯ МЕСТЬ

Между тем Трам и мальчики устремились в темную маленькую каменную арку, ведущую внутрь Холма, и два барсука, стоявшие на часах (Эдмунд смог разглядеть только белые полосы на их щеках), сверкнули зубами и спросили ворчливыми голосами: «Кто идет?»

— Трам, — ответил гном. — Веду Верховного Короля Нарнии из далекого прошлого.

Барсуки обнюхали руки мальчиков. «Наконец-то, — сказали они, — наконец-то».

— Дайте нам света, друзья, — попросил Трам. Барсуки достали факел, Питер зажег его и протянул Трам. «Пусть ведет Д.М.Д., — сказал он, — здесь мы не знаем дороги».

Трам взял факел и пошел в темный туннель. Он был холодный, черный, покрытый плесенью и паутиной. Время от времени в свете факела вспархивали летучие мыши. Мальчики (с того самого утра на железнодорожной станции они были все время на открытом воздухе) почувствовали себя как в ловушке или тюрьме.

— Питер, — прошептал Эдмунд, — посмотри на эту резьбу на стенах. Разве она не выглядит старой? Но мы старше, чем она. Когда мы были здесь в последний раз, ее еще не сделали.

— Да, — сказал Питер, — это кого угодно заставит задуматься. Гном шел прямо, затем повернул направо, затем налево. спустился вниз на несколько ступенек, снова пошел налево. Наконец, они увидели впереди свет — свет из-под двери центральной комнаты, и услышали голоса, звучавшие очень сердито. Кто-то говорил так громко, что заглушил звуки их шагов.

— Не издавайте ни звука, — прошептал Трам, — послушаем минуту. — Все трое встали у самой двери.

— Вы все хорошо знаете, — произнес голос («Это король», — шепнул Трам), — почему мы не протрубили в Рог на рассвете. Разве вы забыли, что Мираз напал на нас сразу после ухода Трам и мы сражались не на жизнь, а на смерть больше трех часов. Я протрубил, как только наступила передышка.

— Мне трудно это забыть, — раздался сердитый голос, — ведь мои гномы приняли на себя главный удар, и пал каждый пятый. («Это Никабрик», — объяснил Трам).

— Стыдись, гном, — вступил низкий голос («Боровик», — сказал Трам). — Мы все делали так же много, как гномы, и никто не сделал больше короля.

— Рассказывайте ваши сказки, — ответил Никабрик. — То ли в Рог протрубили слишком поздно, то ли в нем нет магии, но помощь не пришла. Ты — великий грамотей, ты, волшебник, ты, всезнайка, разве не ты советовал возложить наши надежды на Аслана, короля Питера и всех остальных?

— Я должен признать... я не могу отрицать этого... я глубоко огорчен результатами операции, — послышался ответ. («Это должен быть доктор Корнелиус», — шепнул Трам).

— Говоря прямо. — сказал Никабрик, — твой кошель пуст, яйца протухли, рыба не поймана, обещания нарушены. Теперь встань в сторонку и дай делать дело другим. И это потому...

— Помощь придет, — прервал его Боровик. — Я стою за Аслана. Имейте терпение, берите пример со зверей. Помощь придет. Быть может, она уже у дверей.

— Фу! — проворчал Никабрик. — Вы, барсуки, хотите заставить нас ждать до тех пор, пока рак на горе свистнет. Я скажу тебе, что мы не можем ждать. Еда на исходе; в каждой стычке мы теряем больше, чем можем себе позволить; наши сторонники разбегаются.

— А почему? — спросил Боровик. — Я скажу тебе почему. Потому что все шумят о том, что мы позвали короля из старины, и король не ответил. Последние слова Трам перед тем, как он ушел (быть может, навстречу смерти), были: «Если вы будете трубить в Рог, то армии не надо знать, почему вы трубите и на что надеетесь». Но, похоже, что все узнали в тот же вечер.

— Лучше бы ты сунул свое серое рыло в осиное гнездо, чем сказал, что я болтун, — отозвался Никабрик. — возьми свои слова назад, или...

— Остановитесь, вы оба, — сказал король Каспиан, — я хочу знать, что Никабрик предлагает делать. Но перед этим я хочу понять, кто эти двое незнакомцев, которых он привел на наш совет и которые стоят здесь, держа уши открытыми, а рты закрытыми.

— Это мои друзья, — сказал Никабрик. — И сам ты здесь только потому, что ты друг Трама и барсука. А у этого старого глупца в черном одеянии какое право быть здесь, кроме того, что он твой друг? И почему я единственный не могу привести своих друзей?

— Его величество — король, которому ты присягал на верность, — сурово произнес Боровик.

— Придворные манеры, придворные манеры, — проворчал Никабрик, — в этой норе мы можем разговаривать откровенно. Ты знаешь — и он сам знает — что этот тельмаринский мальчик, если мы не поможем ему выбраться из ловушки, в которой он сидит, перестанет быть чьим-либо королем через неделю.

— Возможно, ваши новые друзья, — сказал Корнелиус, — предпочтут говорить сами за себя? Скажите, кто вы, и зачем вы здесь?

— Почтеннейший господин доктор, — произнес тоненький хныкающий голос. — если угодно вашей милости, я только бедная старая женщина и очень обязана их почтеннейшему гномству за дружбу. Его величество, да будет благословенно его прелестное лицо, может не опасаться старой женщины, которая согнулась от ревматизма и не имеет даже пары щепок для очага. Я кой-чего смыслю — не так, конечно, как вы, господин доктор, — в маленьких заклинаниях и ведовстве, и я рада буду использовать их против ваших врагов, с согласия всех присутствующих. Ибо я ненавижу их. О, да. Никто не ненавидит их сильнее меня.

— Это очень интересно и... э-э-э... удовлетворительно, — сказал доктор Корнелиус. — Мне кажется, я понял, кто вы, мадам. Никабрик, возможно, ваш друг, тоже расскажет что-нибудь о себе?

Тусклый серый голос, от которого все существо Питера содрогнулось, ответил: «Я голоден. Меня мучит жажда. Когда я вопьюсь зубами, я не отпущу, пока не умру, и даже после смерти придется вырезать то, что я схватил, из тела моего врага и похоронить вместе со мной. Я могу поститься сто лет и не умереть. Я могу лежать сто ночей на льду и не замерзнуть. Я могу выпить реку крови и не лопнуть. Покажите мне ваших врагов».

— И в присутствии этих двух ты хотел обсуждать свой план? — спросил Каспиан.

— Да, — ответил Никабрик, — с их помощью я хотел осуществить его.

Минуто-другую Трам и мальчики слышали, как Каспиан и двое его друзей говорят приглушенными голосами, но не могли разобрать слов. Затем Каспиан заговорил громко.

— Ну, Никабрик, мы выслушаем твой план.

Пауза была столь длинной, что мальчики удивились, поче му Никабрик не начинает, когда же он начал, то заговорил так тихо, как будто ему самому не слишком нравилось то, что он говорил.

— Все доказывает, — невнятно проговорил он, — что никто из нас не знает правды о древних днях Нарнии. Трам не верил ни в одну из этих историй. Я был готов подвергнуть их испытанию. Мы испробовали сначала Рог и потерпели неудачу. Если есть Верховный Король Питер, и королева Сьюзен, и король Эдмунд, и королева Люси, они либо не услышали нас, либо не смогли прийти, либо они наши враги...

— Или они в пути, — вставил Боровик.

— Ты можешь говорить так до тех пор, пока Мираз не пустит нас всех на корм своим собакам. А я скажу, что мы испробовали одно звено в цепочке старых легенд, и это не принесло нам добра. Отлично. Когда ломаются мечи, вытаскивают кинжалы. Истории, кроме древних королей и королев, рассказывают нам и о других силах. Что, если мы позовем их?

— Если ты имеешь в виду Аслана, — сказал Боровик, — то все равно — позвать его или королей. Они были его слугами. Если он не пошлет их (а я не сомневаюсь, что пошлет), то придет ли он сам?

— Нет. Ты прав в том, — продолжал Никабрик, — что Аслан и короли приходят вместе. Либо Аслан умер, либо он не на нашей стороне. Либо кто-то, более сильный, задерживает его. И если он придет — как мы узнаем, друг ли он нам? По всему, что известно, он не всегда был хоро-

шим другом гномов. И даже не всех зверей. Вспомни волков. И, кроме того, как я слышал, он был в Нарнии только однажды и недолго. Ты можешь исключить Аслана из расчетов, Я думаю кое о ком другом.

Никто не ответил, и в течение нескольких минут было так тихо, что Эдмунд слышал сопение и хриплое дыхание барсука.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил наконец Каспиан.

— Я имею в виду силу, которая, если истории говорят правду, настолько больше Аслана, что держала Нарнию в чарах многие годы.

— Белая Колдунья! — закричали одновременно три голоса, и по шуму Питер догадался, что трое вскочили на ноги.

— Да, — произнес Никабрик медленно и внятно, — я имею в виду Колдунью. Сядьте. И не пугайтесь этого имени как малые дети. Мы хотим силу, и такую силу, которая была бы на нашей стороне. Разве истории не говорят, что Колдунья нанесла поражение Аслану и связала его, и убила на этом самом Камне, который стоит здесь?

— Они также рассказывают, что он снова вернулся к жизни, — сердито сказал барсук.

— Да, так рассказывают, — ответил Никабрик, — но заметь, как мало мы знаем о том, что он делал потом. Он просто исчез из истории. Как это объяснить, если он на самом деле вернулся к жизни? Похоже, что это не так, и что истории молчат о нем, потому что сказать больше нечего.

— Он поставил на царство королей и королев, — возразил Каспиан.

— Король, выигравший великую битву, обычно сам ставит себя на царство, без помощи дрессированных львов. — заметил Никабрик. В ответ послышалось свирепое рычание, похоже это был Боровик.

— И кроме того, — продолжал Никабрик, — что произошло с королями и их царством? Они тоже исчезли. Другое дело Колдунья. Говорят, она правила сотни лет: сотни лет зимы. Вот это сила, если хотите знать. Это что-то практическое.

— Но, небо и земля! — воскликнул король. — Разве не знаем мы, что она самый страшный враг? Разве не была она тираном в сто раз худшим, чем Мираз?

— Возможно, — холодно отозвался Никабрик, — возможно, она была врагом вам, людям, если бы кто-нибудь из вас жил в те дни. Возможно, она была врагом зверям. Она, осмелюсь сказать, уничтожала бобров, и теперь их не осталось в Нарнии. Но она всегда была справедлива к нам, гномам. Я гном и стою за собственный народ. Мы не боимся Колдуньи.

— Но вы присоединились к нам, — сказал Боровик.

— Да, и многое сделано моими людьми, если уж на то пошло, — прорычал Никабрик. — Кого посылают в самые опасные места? Гномов. Кому давали меньше всех, когда провизии не хватало? Гномам. Кто?..

— Ложь. Все ложь, — прервал его барсук.

— Если вы не можете помочь моему народу, — голос Никабрика поднялся до крика, — я пойду к тому, кто может!

— Это же открытая измена, гном, — воскликнул король.

— Вложи свой меч назад в ножны, Каспиан, — сказал Никабрик. — Убийство на совете? Так-то ты поступаешь? Не делай глупостей. Ты думаешь, я боюсь тебя? Здесь трое на твоей стороне и трое на моей.

— Тогда вперед, — прорычал Боровик, но его прервал доктор Корнелиус.

— Стоп, стоп, вы слишком торопитесь. Колдунья мертва. Об этом говорится во всех преданиях. Как же Никабрик хочет ее вызвать?

Тогда стальной и ужасный голос, который они уже слышали, произнес: «Она мертва?»

Потом вступил пронзительный хныкающий голос: «Будь благословенно твое сердце; твое дорогое маленькое величество не должно беспокоиться о том, что Белая Госпожа — как мы называем ее — мертва. Почтеннейший господин доктор просто шутит с бедной старой женщиной вроде меня. Сладчайший господин доктор, ученейший господин доктор, кто же это слышал, чтобы Колдуньи действительно умирали? Их всегда можно вернуть назад».

— Позови ее, — раздался стальной голос, — мы готовы. Нарисуй круг. Приготовь голубое пламя.

Барсук заворчал сильнее, Корнелиус вскрикнул, но над всем этим, как гром, раздался голос короля Каспиана.

— Так вот каков твой план, Никабрик! Черная магия и вызов отвратительного привидения! Я вижу, кто твои друзья — ведьма и оборотень!

И тут все смешалось. Послышалось звериное рычание, звон стали. Мальчики и Трам устремились внутрь. Питер краем глаза заметил ужасное, серое, вытянутое в длину создание наполовину человека, наполовину волка, набросившееся на мальчика примерно его возраста. Эдмунд увидел барсука и гнома, которые катались по полу, как дерущиеся кошки. Трам очутился лицом к лицу с ведьмой. Ее нос и подбородок торчали наподобие щипцов для орехов, грязные серые волосы развевались. Она схватила доктора Корнелиуса за горло. Трам взмахнул мечом и ее голова покатилась по полу. Тут светильник был сбит и несколько секунд работали мечи, зубы, когти, кулаки и башмаки. Затем наступило молчание.

— С тобой все в порядке, Эд?

— Я... я думаю, да, — отозвался Эдмунд. — Я поймал этого отвратительного Никабрика, но он еще жив.

— Гири и гирлянды! — раздался сердитый голос. — Это на мне ты сидишь. Слезь. Ты как молодой слон.

— Извини, Д.М.Д., так лучше?

— Ой! Нет! — замычал Трам. — Ты сунул ботинок мне в рот. Убери сейчас же.

— А где король Каспиан? — спросил Питер.

— Я здесь, — произнес слабый голос. — Что-то укусило меня.

Все услышали шум зажигающейся спички. Это был Эдмунд. Слабое пламя осветило его лицо, бледное и грязное. Он двинулся ощупью, нашел свечу (они не могли зажечь лампу, потому что масло вытекло), поставил ее на стол и зажег. Когда пламя разгорелось, все вскочили на ноги. Шесть пар глаз мигали в свете свечи.

— Похоже, что врагов не осталось, — сказал Питер. — Это ведьма, она мертва. (Он быстро отвел глаза). Это Никабрик. тоже мертвый. А это, я думаю, оборотень. Я не видел их давным-давно. Волчья голова и человеческое тело. Это значит, что он стал превращаться из человека в волка, в тот момент, когда его убили. А ты, я думаю, король Каспиан?

— Да, — ответил мальчик, — но я не понимаю кто ты.

— Это Верховный Король Питер, — сказал Трам.

— Я приветствую ваше величество, — воскликнул Каспиан.

— Также и твое величество, — отозвался Питер, — ты знаешь, я пришел не для того, чтобы забрать твой трон, но чтобы посадить тебя на него.

— Ваше величество, — раздался голос у локтя Питера. Он повернулся и обнаружил, что стоит лицом к лицу с барсуком. Питер наклонился, обнял зверя и поцеловал его в покрытую шерстью голову: это не были девчоночьи штучки, ведь он был Верховным Королем.

— Лучший из барсуков, — произнес он, — ты ни разу не усомнился.

— Это не моя заслуга, ваше величество, — сказал Боровик, — я зверь, а мы не меняемся. Я барсук, что еще больше, и мы крепко держимся за старое.

— Я сожалею о Никабрике, — заметил Каспиан, — хотя он возненавидел меня с первого взгляда. Он озлобился от долгих страданий и преследований. Если бы мы победили быстро, в мирные дни он был бы хорошим гномом. Я не знаю, кто из нас убил его. И я рад этому,

— Ты истекаешь кровью, — ужаснулся Питер.

— Да, меня укусили. Это тот — тот, что вроде волка. Промывание и перевязка раны заняли много времени, и когда все было сделано, Трам сказал: «Ну вот. Хорошо бы теперь слегка позавтракать».

— Но не здесь, — ответил Питер.

— Нет, — Каспиан содрогнулся, — пусть кто-нибудь заберет тела.

— Этот сброд можно кинуть в яму, — скомандовал Питер, — а гнома надо отдать его народу, чтобы они похоронили его по своему обычаю.

Наконец они позавтракали в другой темной комнате Асланова кургана. Это был не тот завтрак, какого им хотелось бы, ибо Каспиан и Корнелиус мечтали о жареной оленине. Питер и Эдмунд о яйцах всмятку и горячем кофе, а было у них только немного холодной медвежатины (из карманов мальчиков), кусок твердого сыра, луковица и кувшин с водой. Но после всего, что произошло, эта еда показалась им лакомством.

13. ВЕРХОВНЫЙ КОРОЛЬ КОМАНДУЕТ

— Теперь, — сказал Питер, когда они кончили есть, — Аслан и девочки (королева Сьюзен и королева Люси, Каспиан) где-то близко. Я не знаю, что он предпримет. Не сомневаюсь, что случится это, когда захочет он, а не мы. Но ему нравится, чтобы мы делали то, что в наших силах. Ты говоришь, Каспиан, что мы недостаточно сильны, чтобы сразиться с Миразом?

— Боюсь, что да, Верховный Король, — ответил Каспиан. Он был очень похож на Питера, но не так хорошо выражал свои мысли. И ему было куда более странно встретиться с великими королями из старых историй, чем им встретиться с ним.

— Хорошо, — решил Питер, — я пошлю ему вызов на единоборство.

Никто даже не подумал об этом раньше.

— Может быть, это буду я? — попросил Каспиан. — Я хочу отомстить за отца.

— Ты ранен, — ответил Питер, — и кроме того, не рассмеется ли он просто-напросто над вызовом от тебя? Я хочу сказать, что мы-то видим, что ты король и воин, но он думает, что ты — ребенок.

— Ваше величество, — сказал барсук, который сидел рядом с Питером и не сводил с него глаз, — примет ли он вызов даже от вас? Он знает, что у него более сильная армия.

— Возможно и не примет, но у нас есть шанс. А даже, если и не примет, мы потратим большую часть дня на обмен герольдами и тому подобное. И Аслан, может быть, сделает что-то. Наконец, я смогу произвести смотр армии и укрепить позиции. Я пошлю вызов. И напишу его сейчас же. У вас есть перо и чернила, господин доктор?

— Ученого без них не бывает, ваше величество. — ответил доктор Корнелиус.

— Отлично, я буду диктовать.

И пока доктор разворачивал пергамент, открывал рог с чернилами и точил перо, Питер откинулся назад с полужакрытыми глазами, восстанавливая в уме тот язык, на котором они писали много лет тому назад в Золотом веке Нарнии.

— Все верно, — прервал он молчание, — давайте, доктор, если вы готовы.

Доктор Корнелиус обмакнул перо в чернила, и Питер продиктовал:

— «Питер, по дару Аслана, по избранию, по праву и по завоеванию Верховный Король над всеми королями в Нарнии, Император Одиноких Островов и Лорд Кэр-Паравела. Рыцарь благороднейшего ордена Льва — Миразу, сыну Каспиана Восьмого, некогда лорду-протектору Нарнии, теперь величающему себя королем Нарнии, приветствие». Вы успеваете?

— Нарнии, запятая, приветствие, — пробормотал доктор. — Да, ваше величество.

— Теперь новый параграф. «Для предотвращения пролития крови и во избежание всех других бедствий, происходящих от войн, начатых в королевстве Нарнии, наше желание — рискнуть нашей царственной особой от имени верного нам и возлюбленного Каспиана в честной битве, дабы доказать победой над вашей светлостью, что вышеупомянутый Каспиан — законный король Нарнии под нами и по нашему дару, и по законам тельмаринцев, а ваша светлость дважды виновна: в предательстве и в утаении права владычества над Нарнией вышеупомянутого Каспиана, в кровавом и противоестественном убийстве вашего доброго господина и брата — короля Каспиана, Девятого в этой династии. Поэтому мы охотно побуждаем, предлагаем и бросаем вызов вашей светлости на вышеупомянутую битву и посылаем эти слова через нашего возлюбленного и царственного брата Эдмунда, некогда короля под нами в Нарнии, герцога равнины Фонарного столба, графа Западных болот. Рыцаря ордена Стола, которому мы даем все полномочия определить с вашей светлостью условия вышеупомянутой битвы. Дано в нашем жилище в Аслановом кургане в двенадцатый день месяца Зеленой листвы в первый год правления Каспиана Десятого Нарнийского».

— Это необходимо, — Питер глубоко вздохнул. — Теперь с королем Эдмундом нужно послать двоих. Я думаю, что одним из них должен быть великан.

— Ты знаешь, он... он не слишком умен, — сказал Каспиан.

— Я знаю. Но всякий великан выглядит подавляюще, если только не разговаривает. Это поднимет его настроение. А кто второй?

— По мне, — вставил Трам, — если вы хотите кого-нибудь, кто может убивать взглядом, пошлите Рипичипа.

— Безусловно, по всему, что я слышал, — сказал Питер с улыбкой, — он подошел бы, если

бы не был так мал. Они даже не заметят его, пока не подойдут вплотную!

— Пошлите Гленсторма, ваше величество, — предложил Боровик, — никто не станет смеяться над кентавром.

Часом позже два знатных лорда из армии Мираза, лорд Глозиль и лорд Сопеспиан, прогуливаясь вдоль своих позиций и ковыряя в зубах после завтрака, увидели, что из леса выходят кентавр и великан Смерчин, с которыми они уже встречались в битве, а между ними кто-то, кого они не могли узнать. Кстати говоря, мальчишки из школы Эдмунда тоже вряд ли узнали бы его, увидев в этот момент: благодаря дыханию Аслана в нем появилась величавость.

— Что происходит? — спросил лорд Глозиль. — Атака?

— Скорее парламентарии, — ответил Сопеспиан. — Смотрите, они машут зелеными ветвями. Похоже, они пришли сдаваться.

— Судя по выражению лица идущего между кентавром и великаном, он не из тех, кто сдается на милость победителя, — сказал Глозиль. — Кто же это может быть? Это не мальчишка Каспиан.

— Нет, конечно, это свирепый воин, я ручаюсь, только откуда он взялся у мятежников? Выглядит он (только на ухо вашей светлости) куда царственней, чем Мираз. А что за кольчуга на нем? Наши кузнецы таких делать не умеют.

— Ставлю своего серого в яблоках коня, что он несет вызов, а не капитуляцию.

— Что же тогда? — спросил Сопеспиан. — Здесь мы держим врага в кулаке. Мираз не так глуп, чтобы упустить преимущество, вступив в единоборство.

— Он должен принять вызов, — Глозиль понизил голос.

— Тише, — сказал Сопеспиан, — отойдем подальше от ушей часовых. Ну вот. Я правильно понял, что ваша светлость имеет в виду?

— Если король примет вызов, — прошептал Глозиль, — он либо убьет, либо будет убит.

— Так, — кивнул головой Сопеспиан.

— И если он убьет, мы выиграем эту войну.

— Конечно. А если нет?

— Ну, если нет, то у нас будет такая же возможность выиграть ее без короля, как и с ним. И нет нужды говорить вашей светлости, что Мираз не такой уж великий военачальник. А потом мы окажемся победителями и без короля.

— Вы имеете в виду, милорд, что вам и мне может быть так же удобно управлять этой страной без короля, как и с ним?

Лицо Глозиля скривилось: «Не забывайте, что мы посадили его на трон. Все годы он наслаждался, а какие плоды получили мы? Как он отблагодарил нас?»

— Ни слова больше, — ответил Сопеспиан, — взгляните, нас зовут к королевскому шатру.

Подойдя, они увидели, что Эдмунд и два его спутника сидят, и их угощают бисквитами и вином. Они доставили вызов и ждали, пока король обдумывал его. Поглядев на них вблизи, два тельмаринских лорда решили, что все трое очень встревожены.

Внутри шатра они нашли Мираза, он был без оружия и кончал завтракать. Лицо его покраснело, выглядел он сердито.

— Вот! — прорычал он, швыряя им пергамент через стол. — Посмотрите, какие нянькины сказки наш нахал-племянник прислал нам.

— С разрешения вашего величества, — сказал Глозиль, — если этот юный воин, которого мы видели снаружи, и есть король Эдмунд, упоминаемый в послании, тогда я назову его не нянькиной сказкой, а опасным рыцарем.

— Король Эдмунд, тьфу, — ответил Мираз, — разве ваша светлость верит в эти старушечьи басни о Питере, Эдмунде и остальных?

— Я верю своим глазам, ваше величество.

— Ну, это не важно, — отозвался Мираз, — но что касается вызова, я уверен, что у нас одно мнение.

— Я тоже уверен, ваше величество.

— Какое же? — спросил король.

— Правильнее всего было бы отказаться, — сказал Глозиль, — хотя меня никогда не называли трусом, я скажу, что встретиться с этим юношей в битве было бы слишком большим испытанием для моего мужества. И если (как может оказаться) брат его, Верховный Король, еще более

опасен, — ради вашей жизни, мой повелитель, не имейте с ним никакого дела!

— Чтоб тебе пусто было! — закричал Мираз. — Не такого ответа я ожидал. Думаешь, я спрашиваю тебя, бояться ли мне встречи с этим Питером (если он вообще существует)? Думаешь, я боюсь его? Я спрашивал тебя о благоразумности этого дела; стоит ли, имея преимущества, рисковать ими в поединке.

— На это я только могу ответить, ваше величество, что конечно, надо отказаться от вызова. Смерть видна в лице этого странного рыцаря.

— Ну вот, ты снова об этом! — Мираз был уже в полной ярости. Вы хотите, чтобы я почувствовал себя таким же трусом, как ваша светлость?

— Ваше величество может говорить все, что хочет, — вкрадчиво произнес Глозиль.

— Ты как старая баба, Глозиль, — сказал король. — А что скажешь ты, милорд Сопеспиан?

— Не стоит говорить об этом, ваше величество, — прозвучал ответ. — То, что ваше величество сказали о благоразумии, пришлось очень кстати. Это даст вашему величеству отличный повод отказаться без того, чтобы честь или храбрость вашего величества были поставлены под сомнение.

— О, небеса! — воскликнул Мираз, вскакивая на ноги. — Похоже, и тебя околдовали? Думаешь, я ищу повод для отказа? Ты мог бы вдобавок назвать меня в лицо трусом.

Беседа протекала именно так, как хотели оба лорда, поэтому они промолчали.

— Я понимаю, что это значит, — Мираз так пристально поглядел на них, что глаза его, казалось, готовы были выпрыгнуть из орбит. — Вы сами трусливы как зайцы, и имеете наглость воображать, что моя храбрость похожа на вашу! Поводы для отказа! Извинения вместо поединка! Разве вы солдаты? Разве вы тельмаринцы? Разве вы мужчины? И если я откажусь (как меня заставляют звание главнокомандующего и военное благоразумие), вы будете думать и других научите, что я испугался. Что, не так?

— Ни один мудрый солдат, — сказал Глозиль, — не назовет трусом человека в возрасте вашего величества за отказ от поединка с великим воином в расцвете сил.

— Так я не только трус, но еще и старик, одной ногой сто ящий в могиле! — проревел Мираз. — Я скажу вам, что это значит, милорды. Своими бабьими советами (шарахающимися от правильного единственно благоразумного решения) вы добьетесь противоположного своей цели. Я предполагал отказаться от вызова. Теперь я его приму. Вы слышите, я приму его! Я не буду позориться из-за того, что какое-то колдовство или измена заморозили вам обоим кровь.

— Мы умоляем ваше величество... — начал Глозиль, но Мираз выскочил из шатра и было слышно, как он выкрикивает приветствие Эдмунду.

Лорды переглянулись и тихо захихикали.

— Я знал, что он это сделает, если хорошенько разгорячится, — сказал Глозиль, — но я не забуду, как он назвал меня трусом. За все будет заплачено.

В Аслановом кургане началось страшное волнение, когда всем сообщили новость. Эдмунд с одним из капитанов Мираза размечал место для поединка, вокруг него устанавливали канаты и шесты. Два тельмаринца должны были встать по углам, а третий в середине с одной стороны, как распорядители турнира. Трех другихставлял Верховный Король. Питер как раз объяснял Каспиану, что он не может быть распорядителем, потому что они собираются биться за его право на трон, когда внезапно густой сонный голос произнес: «Прошу вас, ваше величество». Питер повернулся и увидел, что это старший из медведей Толстяков. «С позволения вашего величества, — произнес он, — я медведь».

— Конечно, и отличный медведь, не сомневаюсь, — ответил Питер.

— Всегда, — начал тот, — правом медведей было поставлять одного из распорядителей турнира.

— Не разрешайте ему, — прошептал Питеру Трам, — он доброе создание, но опозорит нас. Заснет и будет сосать лапу, даже перед лицом врага.

— Ничем не могу помочь, — сказал Питер, — потому что он совершенно прав. Медведи имели эту привилегию. Трудно представить себе, как это сохранилось в памяти, когда столько всего было забыто.

— Прошу вас, ваше величество, — повторил медведь.

— Это твое право и ты будешь одним из распорядителей, — разрешил Питер. — Но ты должен запомнить — сосать лапу нельзя.

— Конечно, нельзя, — возмутился медведь.

— Ну, а что ты делаешь сейчас! — заорал Трам. Медведь вынул лапу изо рта и сделал вид, что не расслышал.

— Сир! — пропищал тоненький голосок откуда-то снизу.

— А, Рипичип! — Питер огляделся вокруг себя, как обычно делают люди, когда к ним обращаетсямышь.

— Сир, — заявил Рипичип, — моя жизнь в вашем распоряжении, но моя честь — моя собственность. Сир, среди моих людей есть единственный трубач в армии вашего величества. Мне казалось, что именно нас нужно было послать с вызовом. Сир, мои люди глубоко опечалены. Возможно, если вы назначите меня распорядителем турнира, это удовлетворит их.

Шум, очень похожий на гром, раздался откуда-то сверху, когда великан Смерчин издал один из тех не очень вежливых смешков, которым подвержены даже самые приятные великаны. Он мгновенно оборвал себя и посерьезнел, когда Рипичип обнаружил, откуда исходит шум.

— К сожалению, этого сделать нельзя, — без тени юмора сказал Питер, — некоторые люди боятся мышей...

— Я замечал это, сир, — вставил Рипичип.

— Это будет нечестно по отношению к Миразу, — продолжал Питер, — если он увидит что-нибудь, что может ослабить его храбрость.

— Ваше величество — зеркало чести, — Мыш грациозно поклонился, — но не все разделяют ваше мнение... Мне показалось, я слышал, что кто-то сейчас смеялся. Если кто-то хочет сделать меня предметом своей насмешки, я целиком к его услугам — с моей шпагой — как только у него будет время.

Гробовое молчание воцарилось вслед за этим замечанием, но Питер прервал его, сказав: «Великан Смерчин, медведь и кентавр Гленсторм будут нашими распорядителями. Поединок состоится в два часа пополудни. Обед ровно в полдень».

— Послушай, — Эдмунд отвел Питера в сторону, — а все ли правильно? Я имею в виду, сможешь ли ты победить его?

— Я и сражаюсь, чтобы узнать это, — ответил Питер.

14. КАК ВСЕ БЫЛИ ОЧЕНЬ ЗАНЯТЫ

Незадолго до двух часов Трам и барсук со всеми остальными уселись на краю леса напротив сверкающей линии армии Мираза, которая была в двух полетах стрелы. Посередине был отгорожен квадратный участок ровной травы. В двух дальних углах стояли Глозиль и Сопесприан с обнаженными мечами. В ближних были великан Смерчин и медведь Толстяк: он, несмотря на все предупреждения, сосал лапу и выглядел, по правде говоря, необыкновенно глупо. В качестве компенсации Гленсторм стоял как вкопанный с правой стороны поля, лишь изредка ударяя задним копытом о землю; он выглядел куда более важным, чем тельмаринский барон, стоявший прямо напротив него с левой стороны. Питер пожал руки Эдмунду и доктору и направился к месту поединка. Это было похоже на начало важного состязания, но куда хуже.

— Мне бы хотелось, чтобы Аслан вернулся раньше, чем все это начнется, — сказал Трам.

— Мне тоже, — согласился Боровик. — Но погляди назад.

— Воры и вороны! — пробормотал гном, обернувшись. — Кто это? Огромные люди — прекрасные люди — как боги, богини и великаны. Их сотни и тысячи, прямо за нами.

— Это дриады и боги деревьев, — объяснил Боровик. — Аслан оживил их.

— Гм, — хмыкнул гном. — Это будет полезно, если враги затеют предательство, но вряд ли чем-то поможет Верховному Королю, если Мираз докажет, что ловчее управляется с мечом.

Барсук ничего не ответил, потому что в этот момент Питер и Мираз вступили на поле с противоположных сторон, оба пешие, в кольчугах, в шлемах и со щитами. Они шли вперед, пока не оказались почти рядом. Оба поклонились и, казалось, заговорили друг с другом, но слов нельзя было расслышать. В следующее мгновение в солнечном свете блеснули два меча. Звон мечей был слышен одну секунду, и тут же заглушен, потому что обе армии начали кричать, как болельщики на футбольном поле.

— Отлично, Питер, отлично, — закричал Эдмунд, когда увидел, что Мираз отступил назад на полтора шага. — Преследуй его, быстрее!

Питер послушался, и несколько секунд казалось, что бой будет выигран. Но затем Мираз собрался и стал извлекать пользу из своего роста и веса. «Мираз! Мираз! Король! Король!» — взревели тельмаринцы. Лица Каспиана и Эдмунда побледнели от тошнотворного страха.

— Он наносит Питеру такие ужасные удары, — сказал Эдмунд.

— Эй, — воскликнул Каспиан, — что происходит?

— Оба разошлись в разные стороны, — объяснил Эдмунд, — запыхались немного, я думаю. Выжидают. А теперь начали снова, на этот раз более умело. Кружат и кружат, прошупывая друг друга.

— Боюсь, Мираз знает свое дело, — пробормотал доктор. Но его слова было трудно разобрать за оглушающим хлопанием, лаем и стуком копыт старых нарнийцев.

— Что это? Что это? — спросил доктор. — Мои старые глаза изменяют мне.

— Верховный Король уколол его в подмышку, — Каспиан захлопал в ладоши. — Туда, где пройма кольчуги позволяет проникнуть внутрь. Первая кровь.

— А теперь снова плохо, — расстроился Эдмунд. — Питер совершенно не использует свой щит. Он, должно быть, ушиб левую руку.

Это была правда. Все увидели, как безвольно повис щит Питера. Крики тельмаринцев усилились вдвое.

— Ты видел больше битв, чем я, — спросил Каспиан, — есть ли еще какой-нибудь шанс?

— Небольшой, — ответил Эдмунд, — и надеюсь, что он его не упустит. При удаче.

— Зачем мы ему позволили? — сказал Каспиан. Внезапно крики с обеих сторон замерли. Сперва Эдмунд был в недоумении, а затем произнес: «О, я понял. Оба согласились отдохнуть. Пойдемте, доктор. Может быть, мы сможем что-нибудь сделать для Верховного Короля». Они побежали к полю. и Питер вышел из-за веревок навстречу им. Его лицо было красным и потным, грудь тяжело поднималась.

— Ты ранен в левую руку? — спросил Эдмунд.

— Это не совсем рана, — ответил Питер, — я принял всю тяжесть удара на свой щит — это было как вагон кирпича — и край щита ударил по запястью. Я не думаю, что оно сломано, но может быть вывих. Если вы туго перевяжете, я наверно смогу владеть рукой.

Пока они делали перевязку, Эдмунд тревожно спросил:

«Что ты думаешь о нем, Питер?»

— Выносливый, — ответил Питер, — очень выносливый. У меня есть шанс, если я смогу заставить его попрыгать так долго, что его вес и короткое дыхание обернутся против него — и к тому же жаркое солнце. Сказать по правде, у меня нет других шансов. Передай мою любовь всем... всем дома, Эд, если он справится со мной. Вот он снова идет на поле. Прощай, старина. До свиданья, доктор. И пожалуйста, Эд, скажи что-нибудь приятное Траму. Он молодец.

Эдмунд не мог произнести ни слова. Он пошел назад к их линии, чувствуя ужасную тошноту.

Началась новая схватка. Питер снова мог пользоваться щитом и куда больше бегал. Теперь он все время играл с Миразом в салки, держа его на расстоянии, уворачиваясь, заставляя врага работать.

— Трус, — свистели тальмаринцы. — Почему ты не дерешься лицом к лицу? Не нравится тебе? Вспомни, что ты пришел сражаться, а не танцевать. Эге-гей!

— Я надеюсь только, что он не слышит их, — сказал Каспиан.

— Не слышит, — заверил Эдмунд. — Ты не знаешь его... Ой! — В этот момент Мираз нанес наконец удар по шлему Питера, Питер зашатался, поскользнулся и упал на одно колено. Рев тельмаринцев поднялся, как шум моря. «Ну же, Мираз, — выкрикивали они, — ну же. Быстрее! Убей его». Но подстрекать узурпатора не было нужды. Он навис над Питером. Эдмунд прикусил губу так, что выступила кровь, когда над Питером сверкнул меч. Казалось, удар должен срубить ему голову. Но слава Небесам! — меч соскользнул по правому плечу. Сработавшая гномами кольчуга была крепка и не порвалась.

— О, Боже! — закричал Эдмунд. — Он снова поднимается. Питер, давай, Питер!

— Я не вижу, что происходит, — заволновался доктор. — Как он это сделал?

— Перехватил руку Мираза, как только она опустилась, — Трам прямо танцевал от восхищения. — Вот это человек! Использовать руку врага, как рычаг! Верховный Король! Верховный Король! Вперед, Старая Нарния!

— Смотрите, — сказал Боровик. — Мираз в ярости. Это хорошо.

Теперь они бились изо всей силы: шквал ударов был такой, что казалось, оба должны быть убиты. И когда возбуждение возросло, крики снова замерли. Зрители затаили дыхание. Это было ужасно и величественно.

Громкий крик раздался там, где сидели старые нарнийцы. Мираз упал. Не от удара Питера, а лицом вниз, споткнувшись о кочку. Питер отступил назад, выжидая, пока тот поднимется.

— Черт побери, — сказал Эдмунд сам себе. — Нужно ли быть таким джентльменом? Боюсь, что он должен так поступить. Он ведь рыцарь и Верховный Король. Уверен, что это понравится Аслану. Но эта скотина поднимется через минуту и тогда...

Но «эта скотина» больше не поднялась. Лорд Глозиль и лорд Сопеспиан поняли, что их план исполнился. Как только они увидели, что их король упал, они бросились на поле с криком: «Вероломство! Вероломство! Нарнийский предатель ударил его в спину, пока он лежал беспомощный! К оружию! К оружию, Тельмар!»

Питер с трудом понимал, что происходит. Он увидел, как два высоких человека бегут к нему с обнаженными мечами. Затем третий тельмаринец перемахнул через веревку слева от него. «К оружию, Нарния! Предательство!» — закричал Питер. Если бы все трое напали на него одновременно, он никогда не заговорил бы снова. Но Глозиль остановился, чтобы ударить своего короля, лежащего мертвым. «Это тебе за оскорбление сегодня утром», — прошептал он, убирая лезвие в ножны. Питер ринулся на Сопеспиана, ударил его мечом по ногам, а потом вторым ударом срубил голову. Эдмунд теперь был рядом с ним, крича: «Нарния! Нарния! Лев!» Вся тельмаринская армия бежала к ним. Тут, медленно шагая и крутя дубинкой, выступил вперед великан. Атаковали кентавры. Звяканье позади и свист над головой — это вступили луки гномов. Трам бился слева. Развернулось сражение.

— Назад, Рипичип, маленький осел, — закричал Питер, — тебя просто убьют! Тут не место для мышей.

Но отважные маленькие создания танцевали под ногами обеих армий, коля своими шпагами. Многие тельмаринские воины почувствовали, что их ноги колет как булавами. Они подпрыгивали на одной ноге, корчась от боли, и некоторые из них падали. Если они падали, их приканчивали мыши, если нет, кто-нибудь другой.

Но раньше, чем старые нарнийцы хорошенько разогрелись в деле, они обнаружили, что их враги отступают. Воины, выглядевшие такими стойкими, побледнели и пришли в ужас не от старых нарнийцев, а от чего-то, что было позади них; они побросали оружие, вопя: «Лес! Лес! Конец света!»

Вскоре не стало слышно ни их криков, ни звона оружия, потому что все потонуло в океаноподобном реве оживших деревьев, они проходили сквозь ряды армии Питера, преследуя тельмаринцев. Стояли ли вы когда-нибудь на краю огромного леса на высоком обрыве, когда дикий юго-западный ветер ревет в полную силу? Представьте себе этот звук. А теперь вообразите, что лес, вместо того, чтобы стоять на одном месте, бросается на вас, и это уже больше не деревья, а громадные люди, похожие на деревья, потому что их длинные руки колышутся, как ветви; они вскидывают головы, и листья падают вокруг них, как ливень. Это и произошло с тельмаринцами. Даже нарнийцы немного встревожились. Через несколько минут все соратники Мираза бежали вниз к Великой реке, чтобы пересечь мост, ведущий к городу Беруна и найти защиту за крепостными валами и запертыми воротами.

Они достигли реки, но моста не было. Все изменилось со вчерашнего дня. Паника и ужас овладели ими, и они сдались в плен.

Что же произошло с мостом?

Ранним утром, после нескольких часов сна девочки увидели, что над ними стоит Аслан и говорит: «Сегодня у нас будут каникулы». Они протерли глаза и огляделись вокруг. Деревья ушли, но их еще можно было разглядеть, они двигались к кургану Аслана темной полосой. Вакх, менады (его неистовые, сумасбродные девушки) и Силен остались с ними. Люси вскочила, отдохнувшая и полная сил. Все проснулись, все смеялись и пели, свистели флейты, цимбалы звенели. Звери, не говорящие, собирались к ним со всех сторон.

— Что это, Аслан? — спросила Люси. Глаза ее сияли, а ноги просились танцевать.

— Пойдемте, дети, — сказал он. — Садитесь сегодня ко мне на спину.

— Чудесно! — закричала Люси, и обе девочки вскарабкались на его теплую золотистую

спину, как они делали давным-давно. Затем вся компания двинулась — Аслан во главе, Вакх и его менады — прыгая, бегая, кувыряясь, звери — резвясь вокруг них, Силен позади — с ревущим осликом.

Они свернули немного вправо, спустились с крутого холма и увидели, что перед ними длинный мост у Беруны. Однако раньше, чем они вступили на него, из воды показалась огромная, мокрая, бородастая голова, размером больше человеческой, увенчанная камышом. Голова поглядела на Аслана и заговорила низким голосом:

- Привет тебе, господин. Освободи меня от цепей.
- Кто же это? — прошептала Сьюзен.
- Я думаю, речной бог. Тише. — сказала Люси.
- Вакх, — приказал Аслан, — освободи его от цепей.

«Наверно, он имеет в виду мост», — подумала Люси. Так и было. Вакх и его приближенные бултыхнулись в мелкую воду, и тут произошла странная вещь. Огромные сильные побеги плюща обвились вокруг опор моста, разрастаясь так же быстро, как разгорается костер, опутывая камни, раскалывая, разбивая, разделяя их. Перила моста за минуту обратились в изгородь из боярышника, и все обрушилось стремительным грохочущим обвалом в водоворот. Плескаясь, вскрикивая, смеясь, веселящиеся побрели, поплыли, протанцевали через брод («Уррра! Теперь это снова брод у Беруны!» — кричали девочки), поднимаясь на другой берег к городу.

На улице все разбегались перед ними. Первый дом, к которому они подошли, была школа: школа для девочек, где множество нарнийских девочек с туго стянутыми волосами, безобразными тесными воротничками вокруг шей и толстыми кусачими чулками на ногах сидели на уроке истории. Та «история», которой учили в Нарнии во времена правления Мираза, была скучнее самого правдивого рассказа и фантастичней самой захватывающей приключенческой книжки.

— Если ты не будешь внимательна, Гвендолен, — сказала учительница, — и не перестанешь смотреть в окно, я поставлю тебе плохую отметку по поведению.

- Но, простите, мисс Призл... — начала Гвендолен.
- Ты слышала, что я сказала, Гвендолен? — спросила мисс Призл.
- Но простите, мисс Призл. — повторила Гвендолен, здесь ЛЕВ!

— Получишь две плохие отметки по поведению за то, что болтаешь чепуху, — ответила мисс Призл, — а теперь... — Ее прервало рычание. В окна классной комнаты, извиваясь, вполз плющ. Стены превратились в массу колышущейся зелени, над головами, там, где был потолок, изогнулись покрытые листвой ветви. Мисс Призл обнаружила, что стоит в траве на лесной полянке. Чтобы удержаться, она схватилась за письменный стол, но тот стал розовым кустом. Вокруг нее столпились неистовые люди, которых она раньше даже представить не могла. Затем она увидела льва, закричала и побежала, и вместе с ней побежал ее класс, состоявший, в основном, из коренастых аккуратных девочек с толстыми ногами. Гвендолен размышляла.

— Ты останешься с нами, моя радость? — спросил Аслан.

— А можно? Спасибо тебе, спасибо, — воскликнула Гвендолен. Внезапно она протянула руки двум менадам, которые закрутили ее в веселом танце и помогли снять лишнюю и неудобную одежду.

Куда бы они ни приходили в маленьком городе Беруна, повторялось то же самое. Большинство людей спасалось бегством, некоторые присоединялись к ним. Когда они покинули город, их компания стала еще больше и веселей.

Они неслись вдоль плоских полей на северном, или левом, берегу реки. Все животные с ферм бежали, чтобы присоединиться к ним. Грустные старые ослы, никогда не знавшие радости, снова становились молодыми; цепные псы разрывали цепи; лошади разбивали свои телеги и рысью — цок-цок — бежали за ними, разбрызгивая грязь копытами, и радостно ржали.

У колодца во дворе они встретили человека, который бил мальчика. Палка в его руке превратилась в цветок. Он попытался отбросить его, но тот прилип к ладони. Рука стала веткой, тело — стволом дерева, ноги — корнями. Мальчик, который за минуту до этого плакал, рассмеялся и присоединился к ним.

В маленьком городке у слияния двух рек, на полпути к Бобровой запруде, они пришли в другую школу. Там усталая девушка учила арифметике ватагу похожих на свиней мальчишек. Онаглянула в окно и увидела чудесных путников, распевających на улице, и радостная боль пронзила ее сердце. Аслан остановился прямо под окном и поглядел на нее.

— О, нет, нет, — сказала она. — Мне так хочется. Но я не могу. Я должна работать. И дети испугаются, если увидят тебя

— Испугаются? — спросил мальчишка, больше всех походивший на поросенка. — С кем это она разговаривает через окно? Надо сказать инспектору, что она разговаривает с людьми через окно, вместо того, чтобы учить нас.

— Пойдем и посмотрим, кто это, — отозвался другой, и все они толпой двинулись к окну. Но как только показались их подлые маленькие лица, Вакх громко закричал: «Эван, эвоэ-э-э-э».

Мальчики взвыли в испуге, покатались друг через друга к дверям, выпрыгивали в окна. И говорили (правда это или нет), что никто больше не видел этих маленьких мальчиков; зато там обнаружили стадо отличных маленьких поросят, которых не было раньше.

— Ну, мое сердечко, — сказал Аслан учительнице, и она вы прыгнула из окна и присоединилась к ним.

У Бобровой запруды они пересекли реку и пошли на восток по южному берегу, и подошли к маленькому домику, где у дверей стояла плачущая девочка. «Почему ты плачешь, любовь моя?» — спросил Аслан. Ребенок, никогда не видевший львов даже на картинке, не испугался. «Тетушка очень больна, — ответила девочка, — она умирает». Тогда Аслан попытался войти в дверь домика, но она оказалась слишком мала. Поэтому, просунув голову в дверь, он толкнул плечом (Люси и Сьюзен слезли, когда он это делал), приподнял весь дом и все попадало в разные стороны. А там, в своей кровати — кровать оказалась теперь на открытом воздухе — лежала маленькая старушка. Было видно, что в ней есть кровь гномов. Она была на пороге смерти, но открыла глаза и увидела веселую гривастую голову Льва, смотревшего ей в лицо. Она не вскрикнула и не упала в обморок. Она произнесла: «Аслан! Я знала, что это правда. Я ждала тебя всю жизнь. Ты пришел, чтобы забрать меня?»

— Да, дорогая моя, — ответил Аслан, — но еще не в дальнее путешествие. — И как только он сказал это, краски, как румянец, покрывающий облако на рассвете, вернулись на ее бледное лицо, глаза засверкали ярче, она села и сказала: «Я заявляю, что чувствую себя куда лучше. Мне кажется, я смогла бы съесть этим утром небольшой завтрак».

— Пожалуйста, матушка, — сказал Вакх, окуная кувшин в колодец и протягивая ей. Теперь в кувшине была не вода, а роскошное вино, красное, как желе из смородины, густое, как масло, укрепляющее, как мясо, согревающее, как чай, и прохладное, как роса.

— Что ты сделал с нашим колодцем? — спросила старушка.

— Это чудесно. — И она выпрыгнула из постели.

— Садись на меня, — сказал Аслан и добавил, обращаясь к Сьюзен и Люси. — Две королевы могут теперь и побежать.

— Это тоже прекрасно, — согласилась Сьюзен, и они снова отправились в путь.

Так, наконец, с прыжками, танцами, пением, музыкой, смехом, рычанием, лаем и ржанием, все пришли к тому месту, где солдаты Мираза побросали мечи и подняли руки, а воины Питера, еще сжимая оружие и тяжело дыша, стояли вокруг них с суровыми и счастливыми лицами. И тут произошло вот что: старушка соскочила со спины Аслана и бросилась к Каспиану, и они обнялись, потому что это была его старая няня.

15. АСЛАН ДЕЛАЕТ ДВЕРЬ

От взгляда Аслана щеки тельмаринских солдат стали цвета холодной подливки, колени застучали, и многие попадали лицом вниз. Они не верили раньше во львов, и это увеличило их страх. Даже Рыжие гномы, которые знали, что он пришел как друг, застыли с открытыми ртами и не могли вымолвить ни слова. Некоторые из Черных гномов, друзья Никабрика, начали бочком отходить. Но все говорящие звери сгрудились вокруг Льва, мурлыкая, хрюкая, пища и воя от радости; они виляли хвостами, терлись о его бока, почтительно касались носами, бегали взад и вперед под ним и между его лапами. Если вы когда-нибудь видели маленькую кошку, ласкающуюся к большому псу, которого она хорошо знает, вы поймете, что они делали. Тут Питер, ведя за собой Каспиана, пробился сквозь толпу зверей.

— Это Каспиан, сэр, — сказал он. И Каспиан преклонил колено и поцеловал лапу Льва.

— Добро пожаловать, принц, — произнес Аслан, — чувствуешь ли ты себя достойным взять королевство Нарнию?

— Я... я не думаю, что достоин, сэр, — ответил Каспиан. — Я ведь только ребенок.

— Отлично, — сказал Аслан. — Если бы ты чувствовал себя достойным, это было бы доказательством того, что ты не подходишь. Итак, под нами и под Верховным Королем, ты будешь королем Нарнии, Лордом Кэр-Паравела и Императором Одиноких Островов. Ты и твои наследники, пока твой род будет продолжаться. И твоя коронация... но что это здесь?

В этот момент показалась занятная маленькая процессия — одиннадцать мышей, шесть из которых несли что-то на носилках, сделанных из веток (носилки были не крупнее большой книги). Никто еще не видел мышей, так убитых горем, как эти. Они были в грязи — а некоторые и в крови — уши были опущены вниз, усы висели, хвосты волочились по траве, а один играл на маленькой трубе грустную мелодию. На носилках лежало что-то, напоминающее сырую кучку меха; все, что осталось от Рипичипа. Он еще дышал, но был более мертв, чем жив; покрытый глубокими ранами, с раздробленной лапой, с забинтованным обрубок на месте хвоста.

— Ну, Люси, — сказал Аслан.

Люси в ту же минуту достала свою алмазную бутылочку. Хотя для каждой раны Рипичипа была нужна только одна капля, ран было так много, что ужасное молчание длилось долго, но вот она кончила и Мыш вскочил с носилок. Лапка его моментально потянулась к рукоятке шпаги, другой он закрутил усы и поклонился.

— Приветствую тебя, Аслан, — раздался пронзительный голос, — и имею честь... — Но тут он внезапно остановился.

Дело было в том, что у него не было хвоста, — то ли потому, что Люси забыла об этом, то ли ее жидкость, хоть и заживляла раны, новый хвост вырастить не могла. Рипичип осознал свою утрату, когда делал поклон; возможно, что-то изменилось в его способности держать равновесие. Он поглядел через правое плечо. Стремясь увидеть свой хвост, он поворачивал шею все дальше, пока не повернул плечи, а за ними и все тело. Но тут же повернулась и его задняя часть, и он не смог ее разглядеть. Затем он опять попытался повернуться, чтобы поглядеть через плечо, но результат был тот же самый. Только после того, как он обернулся вокруг своей оси три раза, он понял ужасную правду.

— Я поражен, — сказал Рипичип Аслану, — я совершенно вне себя. Я должен просить вашего снисхождения, ибо очутился в столь неподобающем виде.

— Это тебе к лицу, малыш, — заметил Аслан.

— Все равно, — ответил Рипичип, — если что-нибудь можно сделать... Быть может, ваше величество? — и он поклонился Люси.

— А для чего тебе хвост? — спросил Аслан.

— Сэр, — сказал Мыш, — я могу есть, спать и умереть за моего короля без хвоста. Но хвост — честь и слава мыши.

— Дружок, — спросил Аслан, — не слишком ли много ты думаешь о своей чести?

— Величайший из всех Верховных Королей, — произнес Рипичип, — разреши мне напомнить тебе, что нам, мышам, был дарован очень маленький размер, и если мы не будем защищать свое достоинство, некоторые (те, кто ценятся за свой рост) будут разрешать себе неподобающие шутки на наш счет. Вот почему я затратил кое-какие усилия на то, чтобы все запомнили, что могут почувствовать эту шпагу так близко от сердца, как только я дотянусь, если будут говорить в моем присутствии о Мышеловках, Засохшем Сыре или Свечах: никто, сэр, и даже самый высокий глупец в Нарнии! — здесь он свирепо уставился на Смерчина, но великан, который всегда стоял позади, даже не услышал, о чем разговаривают у его ног, и потому пропустил все мимо ушей.

— Могу я спросить, почему все твои друзья обнажили шпаги? — сказал Аслан.

— Если это угодно вашему Верховному Величеству, — сказал второй Мыш, которого звали Пичичик, — мы все собираемся отрезать свои хвосты, если наш командир должен остаться без хвоста. Мы не вынесем стыда ношения чести, в которой отказано нашему главе.

— Вы покорили меня, — прорычал Аслан, — у вас прекрасные сердца. Не ради твоего достоинства, Рипичип, но ради любви между тобой и твоим народом и еще больше ради той услуги, которую твой народ оказал мне давным-давно, когда перегрыз веревки, которыми я был связан на Каменном Столе (и потому, хоть вы и давно забыли, вы стали говорящими мышами), у тебя снова будет хвост. — И раньше, чем Аслан кончил говорить, новый хвост появился на том же месте.

Затем, по приказу Аслана, Питер посвятил Каспиана в рыцари ордена Льва, а Каспиан, как только сам стал рыцарем, посвятил Боровика, Трама и Рипичипа, назначил доктора Корнелиуса

своим лордом-канцлером и утвердил медведя Толстяка в привилегии быть распорядителем тур-нира. Все захлопали в ладоши.

После этого тельмаринские солдаты решительно, но без насмешек и побоев были переведены через брод и в городе Беруна посажены под замок: там им дали говядины и пива. Они очень волновались, переходя реку, потому что ненавидели и боялись быстрой воды так же, как леса и зверей. Наконец, все сложные дела были закончены и началась самая приятная часть этого длинного дня.

Люси, удобно устроившись около Аслана, недоумевала, что делают деревья. Сначала ей казалось, что они просто танцуют; они медленно двигались двумя хороводами, один слева направо, другой справа налево. Потом ей показалось, что они бросают что-то в центр круга — то ли отрезают длинные пряди своих волос, то ли отламывают пальцы — если так, то у них было множество пальцев про запас, и это не приносило им вреда. То, что они бросали, достигнув земли, превращалось в хворост и сухие ветки. Затем трое или четверо Рыжих гномов вышли вперед со своими трутницами и подожгли кучу веток, которая сначала затрещала, потом загорелась ярким пламенем, а потом заревела: так обычно ревет лесной костер в летнюю ночь. Все расселись во круг.

Затем Вакх, Силен и менады начали танец куда более дикий, чем танец деревьев; не просто танец веселья и красоты (хотя он был и весел, и красив), но магический танец изобилия, и там, где они проходили, начинался пир: жареные мясные туши, наполнившие рощу тонким ароматом, пшеничные и овсяные лепешки, мед, разноцветные сласти, сливки, густые, как овсянка и гладкие как тихая вода, абрикосы, персики, гранаты, груши, виноград, клубника, малина — пирамиды и водопады фруктов. Потом во множестве деревянных чаш, кувшинов и кубков принесли вино; темное, густое, как сироп из сока тутовника, светло-красное, как превращенное в жидкость желе из красной смородины, желтое и зеленое, желто-зеленое и зеленовато-желтое.

Для людей-деревьев была приготовлена другая пища. Когда Люси увидела кротов, роющих торф в разных местах (их указал Вакх), и поняла, что деревья собираются есть землю, ей стало немного неприятно. Но когда она увидела эту землю, она почувствовала себя гораздо лучше. Они начали с отличной коричневой глины, выглядевшей, как шоколад; она на самом деле была так похожа на шоколад, что Эдмунд захотел попробовать кусочек, но ему не понравилось. Когда эта глина была полностью уничтожена голодными деревьями, они взялись за землю совсем розового цвета. Они сказали, что она легче и слаще. Вместо сыра они ели меловую почву, а закончили сладким — отличным золотоносным песком с серебряными добавками. Они выпили немного вина, и остролисты сделались очень разговорчивы: ведь деревья по большей части утоляют жажду только глубокими глотками смеси росы и дождя, приправленной запахом лесных цветов и вкусом тумана.

Аслан пировал с нарнийцами еще долго после того, как зашло солнце и показались звезды, и огромный костер, теперь более яркий, но менее шумный, сверкал как маяк в темном лесу, и испуганные тельмаринцы видели его издали и удивлялись, что бы это могло быть. Самое приятное в этом пире было то, что он не прерывался, и никто не расходился, потом беседа стала тише и медленней, все постепенно начали клевать носом и наконец уснули, протянув ноги к огню. Рядом с каждым были хорошие друзья. Кругом воцарилось молчание, и стало слышно журчание воды в камнях брода у Беруны. Всю ночь Аслан и Луна глядели друг на друга радостными глазами.

На другой день гонцы (главным образом белки и птицы) были посланы во все концы страны с воззванием к разбежавшимся тельмаринцам, включая, конечно, пленников в Беруне. Они объявляли, что Каспиан теперь король и Нарния должна впредь принадлежать говорящим зверям, гномам, дриадам, фавнам и другим созданиям наряду с людьми. Кто хочет, может остаться на таких условиях, но тем, кому это не нравится, Аслан предлагает другой дом. Каждый, кто пожелает переселиться, должен прийти к Аслану и королям к броду у Беруны в полдень на пятый день. Можете представить себе, как тельмаринцы чесали в затылках. Некоторые из них, главным образом молодые, которые, как и Каспиан, знали истории о старых днях, радовались, что все вернулось назад и были готовы подружиться с разными созданиями. Все они решили остаться в Нарнии. Но большинство людей старшего возраста, особенно те, кто занимал при Миразе важные должности, были настроены мрачно и не желали оставаться в стране, где не смогли бы командовать. «Жить здесь со множеством проклятых дрессированных зверей! Нет уж», — говорили они. «И к тому же привидения», — с содроганием добавляли некоторые. «Кто знает, что это за дриады. Очень неос-

торожно». Они были подозрительны: «Я не доверяю им — ни этому ужасному Льву, ни всем остальным. Он скоро возьмет нас в свои когти, вот увидите». Но они не доверяли и его обещанию дать им новый дом. «Заберет нас отсюда в свое логово и съест потихоньку одного за другим», — бормотали они. И чем больше они обсуждали это, тем мрачней и подозрительней становились. Но в назначенный день их пришло больше половины.

На краю лужайки Аслан приказал поставить два деревянных столба выше человеческого роста, на расстоянии трех футов друг от друга. Третий более легкий кусок дерева был привязан к верхушкам, соединяя их, так что в целом эта штука выглядела как дверной проем из ниоткуда в никуда. Перед ней стоял сам Аслан с Питером по правую руку и Каспианом по левую. Вокруг них теснились Сьюзен и Люси, Трам и Боровик, лорд Корнелиус, Гленсторм, Рипичип и другие. Дети и гномы воспользовались королевскими гардеробными из дворца Мираза (теперь он стал дворцом Каспиана), так что не было недостатка в шелке и золоте, белоснежном белье, проглядывающем сквозь прорези рукавов, серебряных кольчугах, мечях, чьи рукояти были изукрашены драгоценностями, украшенных перьями шляпах и позолоченных шлемах (они так сверкали, что было больно смотреть на них). Даже на зверях были богатые цепи вокруг шеи. Но никто не смотрел ни на них, ни на детей. Живое ласковое золото гривы Аслана затмевало все. Остальные нарнийцы разместились вокруг поляны. На дальнем конце стояли тельмаринцы. Ярко светило солнце, и в легком ветерке трепетали знамена.

— Люди Тельмара, — начал Аслан, — те, кто ищет новую землю, слушайте мои слова. Я пошлю вас в вашу собственную страну, которую знаю я и не знаете вы.

— Мы не помним Тельмара. Мы не знаем, где он. Мы не знаем, на что он похож, — заворчали тельмаринцы.

— Вы пришли в Нарнию из Тельмара, — сказал Аслан, — но в Тельмар вы пришли из другого места. Вы вообще не из этого мира. Вы пришли сюда несколько поколений назад из того же мира, что и Верховный Король Питер.

Тут половина тельмаринцев начала шептать: «Ну да. Рассказывай. Он собирается убить нас всех, выслав прочь из этого мира». А другая половина, выпячивая грудь и хлопая друг друга по спине, зашептала: «Да ну! Можно было догадаться, что мы не из этого места с его странными, противными, неестественными созданиями. Мы королевской крови, видите». И даже Каспиан, Корнелиус и дети с удивлением повернулись к Аслану.

— Замолчите, — голос Аслана был близок к рычанию. Казалось, земля слегка вздрогнула, и все живые существа застыли как каменные.

— Ты, сэр Каспиан, — сказал Аслан, — должен знать, что не мог бы быть истинным королем Нарнии, как древние короли, если бы не был сыном Адама и не пришел бы из их мира. Ты сын Адама. Много лет тому назад в том мире, в глубоком Южном море, шторм вынес на остров пиратский корабль. Там они сделали то, что обычно делают пираты: убили туземцев и взяли туземных женщин в жены, делали пальмовое вино, и пили, и напивались, и валялись в тени пальмовых деревьев, и ссорились, а иногда и убивали друг друга. В одном из этих столкновений шестеро спаслись бегством, и убежав со своими женщинами в глубь острова, поднялись на гору и, чтобы спрятаться, забрались, как они думали, в пещеру. Но это было одно из магических мест того мира, одна из дыр между тем миром и этим. В старые времена было много дыр между мирами, теперь они встречаются реже. Это была одна из последних: я не сказал последняя. Итак они упали, или поднялись или споткнулись, или бросились прямо туда, и оказались в этом мире, в стране Тельмара, которая была необитаема. Почему она была необитаема — длинная история — я не буду рассказывать ее сейчас. И в Тельмаре их потомки жили и становились свирепыми и надменными людьми, а через несколько поколений они начали голодать в Тельмаре и вторглись в Нарнию, которая была тогда в некотором беспорядке (это тоже слишком длинная история), завоевали ее и воцарились в ней. Ты запоминаешь все это, король Каспиан?

— Я стараюсь, сэр, — ответил Каспиан, — но мне хотелось иметь более почетное происхождение.

— Ты произошел от лорда Адама и леди Евы, — сказал Аслан, — и это достаточно почетно для того, чтобы беднейший нищий высоко держал голову, и достаточно стыдно, чтобы склонить до земли голову величайшего императора. Будь доволен.

Каспиан поклонился.

— А теперь, — сказал Аслан, — мужчины и женщины Тельмара, вернетесь ли вы назад на

тот остров в мире людей, откуда пришли ваши отцы? Это неплохое место. Те пираты умерли, и он необитаем. Там есть хорошие источники пресной воды, плодородная почва, лес для строительства, рыба в лагунах; другие люди в том мире еще не скоро обнаружат остров. Дверь открыта для вашего возвращения; но я должен предупредить вас, что как только вы пройдете через нее, она закроется для вас навсегда. И через эту дверь не будет больше связи между мирами.

На мгновение наступило молчание. Затем сильный, скромно выглядевший парень из тельмаринских солдат протолкался вперед и сказал:

— Отлично, я принимаю предложение.

— Это правильный выбор, — одобрил его Аслан, — и за то, что ты решился первым, с тобой будет мое благословение. У тебя хорошее будущее. Иди вперед.

Парень, немного побледнев, вышел вперед. Аслан и его свита отошли в сторону, оставляя свободным проход к пустому дверному проему.

— Иди через него, сын мой, — Аслан потянулся к нему и дотронулся носом до его лица. И как только львиное дыхание коснулось его, в глазах его возникло новое выражение — испуганное, но не несчастное — как будто он пытался вспомнить что-то. Затем он расправил плечи и шагнул в Дверь.

Все глаза были прикованы к нему. Они видели три куска дерева, а за ними кусты, траву и небо Нарнии. Потом они увидели человека между дверными косяками, а затем, через секунду, он исчез.

На той стороне поляны оставшиеся тельмаринцы вскочили на ноги с воплем: «Эй! Что с ним случилось? Ты задумал убить нас? Мы не пойдем этим путем». А один умный тельмаринец сказал:

— Мы не видим другого мира за этими палками. Если ты хочешь, чтобы мы поверили в него, почему бы не пойти одному из вас? Все твои друзья держатся подальше от этих палок.

Внезапно Рипичип вышел вперед и поклонился: «Если мой пример может сослужить тебе службу, Аслан, я ни на секунду не задумываясь, проведу по твоему приказу через эту арку одиннадцать мышей».

— Нет, малыш, — Аслан легко дотронулся своей бархатистой лапой до головы Рипичипа, — в том мире с тобой будут делать страшные вещи. Тебя будут показывать на ярмарках. Повести за собой должны другие.

— Пойдемте, — внезапно обратился Питер к Эдмунду и Люси, — пришло наше время.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Эдмунд.

— Сюда, — Сьюзен, казалось, знала что делать, — зайдем за деревья. Мы должны переодеться.

— Переодеться во что? — спросила Люси.

— В нашу одежду, конечно, — ответила Сьюзен, — хорошенький же у нас будет вид на платформе английской станции в этом.

— Но наши вещи во дворце Каспиана, — сказал Эдмунд.

— Нет, не там, — Питер уже шел к густому лесу, — они все здесь. Их упаковали и принесли сюда. Обо всем было договорено.

— Так об этом Аслан говорил с тобой и Сьюзен сегодня утром? — спросила Люси.

— Да... об этом и о другом, — лицо Питера было торжественно. — Я не могу рассказать вам все. Он сказал это Сью и мне, потому что мы не вернемся назад в Нарнию.

— Никогда? — вскричали в ужасе Эдмунд и Люси.

— Вы двое вернетесь, — ответил Питер, — из того, что он говорил, я понял, что вы наверняка вернетесь когда-нибудь. Но не мы со Сью. Он сказал, что мы уже слишком взрослые.

— Питер, — ответила Люси, — как ужасно. Сможете ли вы перенести это?

— Ну, мне кажется, что я смогу, это совсем не так, как я думал. Вы поймете, когда наступит ваш последний раз. Быстрее, вот наши вещи.

Странно и не очень приятно снимать королевские одежды и надевать школьную форму (к тому же не слишком чистую) в столь большом собрании. Самые противные тельмаринцы начали смеяться. Но остальные создания прокричали ура и встали в честь Питера, Верховного Короля, Сьюзен, королевы Рога, короля Эдмунда и королевы Люси. Было нежное и (что касается Люси) полное слез прощание со всеми старыми друзьями — поцелуи зверей крепкие объятия медведей Толстяков, рукопожатие Трама и, наконец, щекочущие усы обнимающего их Боровика. Конечно, Каспиан предлагал Сьюзен взять Рог обратно, и конечно, Сьюзен сказала, что он может оставить

Рог у себя. Затем, чудесное и ужасное, прощание с самим Асланом, и вот Питер занял свое место, и рука Сьюзен была у него на плече, а рука Эдмунда на ее плече, рука Люси на плече Эдмунда, и рука первого из тельмаринцев на плече Люси, и такой длинной вереницей они двинулись к Двери.

И наступил момент, который трудно описать, потому что детям казалось, что они видят три мира одновременно. Один был устье пещеры, открытой в ослепительную зелень и синеву острова в Тихом океане, где должны были появиться все тельмаринцы, когда пройдут через Дверь. Вторым была поляна в Нарнии, лица гномов и зверей, глубокие глаза Аслана и белые полосы на щеках барсука. Третьим (который быстро поглотил два других) была серая, посыпанная гравием поверхность платформы загородной станции, и скамейка с багажом, где они все сидели, как будто никогда не двигались оттуда — однообразный и отчаянно скучный — в ту минуту, когда они очутились там — пейзаж, но было в нем и что-то неожиданно приятное; знакомый запах железной дороги, английское небо и летний день.

— Ну и ну! — сказал Питер, — ну и времечко у нас было!

— Ах, я растяпа, — воскликнул Эдмунд, — оставил в Нарнии свой новый фонарик!